

Физиология Петербурга

.Владимир СОБОЛЬ

АВАРИЙНАЯ, НА ВЫЕЗД!..

Повесть

Что за поезд придет Перевезти меня через этот город?

У. Дж. Смит (Перевод А. Вознесенского)

В половине седьмого утра стою на перекрестке и жду трамвая. На улице обычная для Ленинграда промозглая декабрьская оттепель: темно, ветрено, сыро. И, как водится, в такую погоду вагоны идут с перебоями. Последний был четверть часа назад, я увидел его еще из парадного и бежал за ним до угла, но, увы, не успел. И вот с привычной покорностью вглядываюсь в подсвеченную запотевшими фонарями трубу проспекта, туда, в сизое, неровно пульсирующее пятно. Ведь должен же, в конце концов, прийти хоть какой-нибудь поезд!

Час пик, толпа на остановке разрастается с каждой минутой чуть ли не вдвое. Уже запружена и 'проезжая часть от островка безопасности до тротуара. Машинам приходится, коротко и нервно сигнали, пробивать себе дорогу бампером. И вдруг начинается какое-то шевеление. Я пока еще ничего не вижу, меня по-прежнему теснят со всех сторон, но каким-то неведомым по счету, стадным чувством закоренелого горожанина ощущаю, что мы сдвигаемся вправо. Толпа вытягивается, перестраиваясь, разреживается, и, наконец, все бегут. И я тоже спешу, топочу, не глядя под ноги, проваливаясь по щиколотку в стылую жижу расплавившегося снега, оскальзываюсь на оледенелом асфальте, кого-то обгоняю, от кого-то отстаю... Зачем? Из всех дверных проемов подошедшего поезда торчат спины. Первые, самые бойкие, еще снуют вдоль вагонов, но напрасно. Никто не выходит. Наш район не зря именуют «спальным» — утром отсюда только уезжают. А вечером> также дружно возвращаются. И опять твой вагон набит битком, а встречный сквозит пустой. Второй поезд тоже полон, но тут мне везет чуть больше — дверь медленно подплывает и замирает напротив. Кидаюсь к проему, из которого на полметра выпирают шубы и полушубки, просовываю руку между слипшимися телами и пытаюсь зацепиться понадежнее. Но что только не нащупывают мои пальцы, все, кроме поручня. Может быть, его вообще выломали в предыдущем рейсе? Сзади нагибаются, требуя подвинуться вперед, но я уже спохватился и сдаю назад. Кому некогда — пусть рвется, а я один раз так повисел, что запомнил на всю жизнь... А ведь люди едут! И вроде бы стать некуда, а встают, и ухватиться не за что, а держатся; цепляются кто за что, даже за полы соседа, ставшего всего лишь ступенькой выше. Но я все-таки подожду... Пропускаю еще два трамвая, а третий подходит уже с закрытыми дверями. Поднимаюсь в салон и даже ухитряюсь притулиться к спинке сиденья. Стягиваю вязаную шапочку и, опустив руку, аккуратно стряхиваю ее на пол, а вот промокшие носки придется терпеть до

самой «точки». И ведь всего несколько часов назад термометр за кухонным окном показывал минус десять! Что наш июль сильно смахивает на крымский или там кавказский январь — подмечено верно, но чему же подражает наша зима?..

До метро добираюсь без происшествий, а там успеваю юркнуть на свободное место и еще подремать минут десять. Привычно просыпаюсь у самой пересадочной станции, перебегаю платформу и проскакиваю между схлопывающимися уже створками. Еще две остановки, ребристые ступеньки эскалатора, и я снова на воздухе. От метро я хожу пешком, и даже сегодняшняя задержка не лишит меня этого удовольствия. Обычный обитатель города рассчитывает поездку на службу до секунды, но раз в четверо суток я могу позволить себе и такую роскошь, как выйти на полчаса раньше...

Я работаю в ЦЛАРе. Эта забавная аббревиатура расшифровывается как цех линейно-аварийных работ. Он единственный в своем роде, и хотя административно подчиняется одному из парков, на самом деле обслуживает всё трамвайно-троллейбусное управление, а значит, и весь город. Как следует из названия, основная задача цеха — проведение аварийных работ на линии движения трамвайных и троллейбусных маршрутов. Короче говоря, мы убираем в сторону неисправный вагон или машину, чтобы они не мешали идущим следом. А чтобы сделать это как можно быстрее, весь город от Озерков до Стрельны и от Ржевки до Комендантского аэродрома разделен на участки, и на каждом из них базируется своя аварийная машина, именуемая вполне официально «Подъемкой», с добавлением номера. Каждой же машине придано четыре бригады. Сутки работаешь, трое дома...

Наша «точка» — помещение, где мы коротаем время между вызовами, находится на одной из конечных станций Кировского района. От метро до нее минут двадцать неспешной ходьбы.

Поднимаюсь наверх и, проскочив мимо хозяйственного магазина, тут же сворачиваю с проспекта в узкий, пустынный переулок. После трех дней, проведенных среди уныло-правильной геометрии новостроек, я с удовольствием гуляю по этому тихому, провинциальному району, притаившемуся всего в двух шагах от мощной, современной магистрали. Мне нравятся эти извилистые улочки, эти двухэтажные домики с оштукатуренными стенами, любовно украшенными где фронтоном, где эркером.

Срезаю маршрут и по проходным дворам выскакиваю на угол к красильной фабрике. Часы над проходной показывают тридцать пять минут. Уже опаздываю! Прибавляю шаг, выскакиваю на прямую... А вот и «точка»! Еще издали вижу, что машина на месте. А жаль! Не то, чтобы я желал кому-нибудь зла, но, если бы они были на вызове, можно было бы не спеша перекурить, а потом уже переодеться. Рядом с «жуком» (сто тридцатый ЗИЛ с кузовом-фургоном, покрашенный в желтый цвет, удивительно похож на жука, приносивающегося к добыче металлическим усом антенны) пристроился красный

«Москвич». Значит, бригадир на месте. Сегодня он меня опередил. Площадка очищена от снега, и в фургоне горит свет — убирают машину перед сдачей смены.

В коридоре возится со своими тряпками уборщица. Старушке далеко за восемьдесят, но она — в такие-то лета! — приходит каждое утро отмывать заляпанные полы и туалеты, которые за сутки посещает на круг не менее сотни человек — в основном, конечно, водители, но тут и наши бригады, и диспетчера, и путейцы, чья бытовка приютилась в этом же здании.

Здравствуй, бабушка! — кричу я ей и, не дожидаясь, пока она разогнется, толкаю свою дверь. После сырого, но чистого уличного воздуха в помещении не продохнуть. Две бригады отчаянно дымят в восемь труб. Делаю круг, здороваясь с каждым за руку...

Мы занимаем две комнаты — первая, проходная, метров сорок, и следующая, вдвое меньшая, спальня. В спальне по периметру стоят валетом топчаны, большой письменный стол и металлическая стойка-вешалка для чистой одежды. «Передняя» разделена на две половины: слева от двери двумя рядами стоят шкафчики, справа кухня — тумбочка с электрическими плитками, кухонный и обеденный столы, холодильник и телевизор. На этих двадцати метрах мы и живем целые сутки...

В спальне за столом сидят оба бригадира. Один, тот, что сменяется, заполняет регистрационный журнал. Оба, как на подбор, гренадерского роста и сложения. Подавая руку, одному и другому, напрягаю кисть и сам жму изо всех сил, но все равно больно.

Как отработали? — спрашиваю чужого «бугра».

А! — машет тот рукой. — День ничего, а к вечеру, как прорвало. Сход, редуктор, колесо...

А что с колесом?

Ось лопнула. Еле-еле на кольцо заташили. А ночью гнали его в парк на тележке. Приехали только в три часа, а в полшестого опять вызов. Стоит движение! Ну, вот как ты это, Николай Михайлович, понимаешь? — он поворачивается к нашему бригадиру и сдвигает очки на лоб. — Только ведь из парка вышел, еще даже на виадук не поднялся и встал. Назад не осадить, его уже другие вагоны подперли, и пришлось гнать до ближайшего кольца. А это, сам знаешь, где. Ну, кому это нужно?!

Коля, полулежа на бригадирском топчане, рядом с телефоном, вкусно, как все, что он делает, затягивается папиросой.

Ты, Женя, — говорит он, улыбаясь, — не понимаешь текущей политики. У них план — выпуск. И они его сделали. А ты — аварийщик. У тебя план — время ликвидации задержки, двадцать три минуты.

Уже восемнадцать.

Нехай восемнадцать. А сколько тебе дали?

Десять минут с ездой.

Вот видишь — свой план выполнил. И парк, и ЦЛАР. А значит, и все управление в целом. Чем же ты недоволен?

Да все это понятно, только ведь обидно.

А твое дело не рассуждать и тем более не обижаться, а обеспечивать движение. Ты обеспечил? И теперь отдыхай со спокойной совестью, а парковских пускай их собственная мучает.

Да ну тебя! — обижается Женя и отворачивается к столу.

Бригадир довольно смеется, подмигивает мне и смотрит на часы.

Давай, Саня, переодевайся. Сейчас уже наше время пойдет.

Иду к шкафчику за рабочей одеждой. Дыма и шума в общей комнате, кажется, стало еще больше. На скамейке, чуть обособясь от остальных, сидит незнакомый мне мужик. Лет сорока, худощавый, но плечистый. Одет во все чистое, а на «сигналке» — оранжевом сигнальном жилете — еще даже видны слежавшиеся складки... Беру «робу» в охапку и тащу к топчану.

Новенький к нам? — спрашиваю Колю.

Тот молча кивает. Женя заинтересованно оборачивается.

Так вас же пятеро.

Было, — мрачно отрубает бригадир. — Вместо Гены будет.

А того куда?

В никуда! Я его предупреждал...

Гена, бывший наш пятый, две смены назад выпил несколько больше, чем следовало бы. Случилось это далеко не в первый раз, а предпоследний был всего лишь в предыдущую смену, и тогда еще он, протрезвев, клялся и божился, что действительно последний.

Я, — говорит Коля, — ему прямо сказал, что ни по шкафчикам, ни по сумкам не шмонаю. Но еще раз замечу — выгоню! А он не поверил.

Ну, и правильно! — с чувством говорит Женя. — Не можешь пить — не пей!

Что ты! Я-то сразу не заметил, а потом поехали на вызов, ну его и развезл® дорогой. У нас сход, каждая рука на счету, а его из кузова выпускать нельзя. Словом, вернулись, я сразу мастера вызвал, тот его и забрал. Вчера заходил в контору — он уже с расчетным листком бежит. Даже без отработки. А этот парень, — Коля поворачивается ко мне, — будет работать. Пойдешь машину принимать — возьми с собой. Покажешь ему что там и где лежит...

Каждая бригада начинает смену с приемки машины. Не ходовой части, конечно, это дело шофера, а железа, которого мы возим с собой в фургоне что-то около трех тонн. И проверяем все, стараясь не упустить самую последнюю, засевшую где-то в уголке памяти мелочишку.

Ибо кто знает — может, она и окажется самой необходимой в очередной работе, и именно ее, как нарочно, и не случится на привычном месте. И хорошо, если она вообще найдется, но и тогда, пока роешься, с лязгом раскидывая по кузову ненужный металл, узнаешь о себе много нового и интересного. И ты, и бригада, и все зеваки... Бригадир у нас сколь здоровые, столь же и горластые... И поскольку приходится искать упущения, то ищем тйк, чтобы найти. У каждого свой метод: один лезет в машину, держа в руке перечень оборудования, записанного за нашей подъемкой, и дотошно сравнивает имеющееся в наличии с обязанным быть, идя по списку от цифры один до цифры, скажем, восемьдесят четыре; другой скрупулезно пересчитывает брошенные в ящик россыпью ключи; третий (самый безотказный метод) прежде всего лезет проверять огнетушители, хотя и сам знает, что последний израсходовала именно его бригада, а где взять новые, не скажет даже начальник цеха... И найдя, к чему прицепиться, торопится сообщить бригадиру. А тот требует ответа у своего сдающего смену коллеги. А тот уже вызывает подчиненного ему слесаря и свирепо требует объяснить, почему это не лежит там, где положено?!

Одеваюсь и подхожу к новенькому. Его зовут Игорь.

Пойдем со мной,— говорю ему.— Посмотришь машину.

Когда подходим к машине, боковая дверца фургона открывается и оттуда аккуратно, спиной вперед слезает Володя. Он в сменяемой бригаде, как я в нашей, отвечает за машину.

Готовься! — бросаю на ходу.— Я пошел!

Иди, иди! — беззлобно отругивается тот.— До чего же ты мне надоел! Нарочно к Роману перейду, только для того, чтобы у тебя принимать. (

Обхожу фургон и открываю задние дверцы. В тусклом свете закрепленной у потолка лампочки жирно поблескивает только что протертый соляркой инструмент. Лезу в машину.

Игорь следом. Вдвоем, да еще в полном обмундировании, нам тесновато. I

Вот,— говорю Игорю,— смотри и запоминай! Теперь это твой хлеб.

Тот растерянно переминается на месте. Ноги у него разъезжаются по стальному листу, а взгляд бестолково мечется от домкратов к угольникам. Когда-то и я так начинал. Правда, мне повезло с учителем, повезет ли Игорю. С минуту даю ему осмотреться, потом начинаю приемку: последовательно перебираю каждое приспособление, одновременно объявляя Игорю, как оно называется и для чего служит...

Ты запомни, парень,— наставляю я новенького,— с этого

утра ты аварийщик. Работать у нас надо быстро и четко. Это они,— <

говорю, имея в виду слесарей в трамвайных парках, да и всех прочих,— могут себе такое

позволить: понадобится — найдем, а не найдем, так подождем, пока привезут, а вовсе не привезут, так и Бог с ним... Здесь так не пройдет. У тебя все должно быть под | рукой, потому что на линии искать будет некогда. Основное у нас — это время! Понял?! И за каждую работу мы отчитываемся временем — когда нас вызвали, когда мы приехали на место и сколько там провозились. И время это мы не сами себе ставим. Его | нам дают диспетчера с Центрального пульта. Так что на линии у нас не ходят, только бегают. Усек?

Поворачиваюсь и иду к передней дверце. Игорь, надеюсь, уstraшенный моей тирадой, поспекает рядом. Вдруг спохватываюсь, что еще не все договорил. Забыл самое основное. Уже занес я б1у на подножку, оборачиваюсь к Игорю: И еще учти. По тарифу, а оплата у нас, сам знаешь — почасовая, получишь ты с гулькиных нос. Даже на пиво не хватит. А все остальное — это премия. За твою быстроту. И все аварии у нашего начальства расписаны — какую за какое время надо устранить. Выйдешь из норматива — останешься без премии. Сам понимаешь: отнять — не прибавить. Так что смотри...

Решаю, что на первый раз ему достаточно, и лезу в машину. Теперь надо проверить меньший отсек.

Здесь у нас лежат колобашки... А ты не смейся, а запоминай. Пока будешь на подхвате — подай то, принеси это. Скажут — тащи колобашки, по крайней мере будешь знать, куда лезть. Слово, конечно, смешное, а деталь нужная. Это такие деревянные чурки. Ими страхуют, на них ставят, их подкладывают... в общем, достают почти в каждой работе. А вот здесь у нас зубила, кувалды. Здесь,— приподнимаю сиденье,— башмаки противооткатные, ключи...

Поворачиваюсь к двери, но вместо ушанки Игоря в проеме вижу суконный подшлемник, в котором свободно, как в портретной раме, ворочается маленькое, треугольное личико. Это Леха.

Поехали! — угрюмо говорит он и лезет в машину.

Уже?!

■ — Обводный — Газа. Стоит движение.

Это нехорошо. Приятней, когда смена разгоняется не торопясь, когда с утра можно спокойно посидеть, покурить, погонять чай.

Леха вспрыгивает в фургон и протискивается мимо меня в глубь кузова к окну. Одежды на нем вдвое меньше, чем на мне, поэтому нам удастся разойтись. Хотя ему под пятьдесят и жира на костях он нарастить не позаботился, всю зиму бегает § тоненьком свитерке и посмеивается над нами, зябко кутающимися в ватники всего при минус десяти. Сам же он зимнюю спецовку не носит принципиально, И, хотя таскает с собой старую, драную, с

торчащими ключьями ваты куртку на случай, если придется долго стоять, но все новое, только получив, тут же обменивает на более действенное средство. Вообще-то, глядя на его подвижное, морщинистое лицо, на котором гримасы меняются с быстротой необыкновенной, на его тощее, жилистое тело, даже не подозревающее, что есть такое состояние — покой, и впрямь можно подумать, что внутри у него встроена некая миниатюрная электростанция...

Игорь лезет за Лехой и садится посередине. Я на свое место, у двери.

Ваня пришел? — спрашиваю Леху.

Переодевается. Да вчетвером съездим, ничего страшного.

В кузов заглядывает бригадир.

Все?! Ну, поехали!

Закрывает дверь и лезет в кабину. Тут же начинает урчать стартер.

Кто сегодня с нами?

Федорыч,— отвечает Леха.

Шоферов на машине трое, меняются они быстрее, чем бригады, и каждую смену мы работаем с новым «водителю». Сегодня, значит, за баранкой Юра Федоров.

По узким улочкам микрорайона мы проезжаем еще спокойно, но, вывернув на проспект Стачек, Юра сразу включает сирену и с ходу проскакивает перекресток «под красный». В окнах мелькнувшего рядом и тотчас уплывшего назад автобуса успеваю заметить силуэт нашей машины с синим, вращающимся огоньком над кабиной. В час пик улицы запружены от тротуара до тротуара, но Юра ровно ведет машину рядом с осевой. Только у Нарвских ворот он сбрасывает газ и включает сирену. Наспех составленный из неровных отрезков-звуков, прокатывающийся словно у Соловья-разбойника от низкого к высокому, вой закладывает уши. Кажется^ что все живое должно замереть, но, выглянув в форточку, вижу, как граждане бесстрашно ныряют под колеса, прорываясь от метро к трамвайному кольцу. Юра резко тормозит, опять бросает машину вперед, еще толчок, и я, чуть не вылетев с сиденья, едва успеваю упереться ногой. Леха что-то кричит в окно.

Ты чего?

Это ж надо! — говорит он уже поспокойнее, полуобернувшись ко мне.— Это же надо — очки надел, а такую машину не увидел!

Пока Юра пробирается к Обводному, я наскоро инструктирую Игоря:

Когда будем сцеплять, не суйся, а погоним — если парник, станешь на первую площадку второго вагона. И следи за бригадиром. Повторяй все его знаки. Леха, ты на стрелку?

Знаешь,— поворачивается ко мне Леха,— давай я лучше к водителю стану. Что-то мне хреново сегодня.

Ладно,— соглашаюсь я,— давай побегаю. А как же ты с водителем договоришься?

Да я уже чаю пожевал...

На перекрестке пусто, но только мы сворачиваем на набережную, как за стеклом сразу потянулась вереница медленно ползущих вагонов. Какой бы маленькой ни была задержка, в «пики» сразу выстраивается хвост. Юра, притормозивший было в повороте, прибавляет «газу» и включает сирену — здесь одностороннее движение.

Что случилось? — встревоженно спрашивает Игорь.

Ничего особенного, — откликается Леха. — Они гонят, мы за ними.

Бог его знает, что там произошло, но во всяком случае ничего серьезного. Иначе бы они нас ждали. В инструкции такая неисправность называется — «вагон не идет с места». В подобных случаях водителю даётся пять минут, чтобы найти неисправность, а дальше он должен известить Центральную о задержке, сцепить свой поезд со следующим и ждать нас. Но обычно водители, чтобы быстрее пустить движение, сами двигаются потихоньку. Тогда мы их догоняем, и сами беремся за дело. Называется это, вполне официально, «гнать вагон». Бригада устраивается на подножках вдоль состава и по цепочке передает команды водителю исправного поезда, того, что толкает. Не самая тяжелая, но крайне нервная работа. Случись 102 что-то неожиданное, то пока сигнал пройдет... И кто бы ни нарушил, перед своим начальством виноваты всегда будем мы — не обеспечили безопасность движения...

А вот и они! Мимо меня тянется ряд неприятно пустых и темных окон. На двух передних вагонах опущены токоприемники. Парник толкает парник. Бригадир в мегафон приказывает им остановиться. Лязгнув сцепными приборами, тяжелый состав замирает. Выскакиваем из машины и бежим к поезду. Коля перебрасывается парой слов с водителем, сидящим в первом вагоне и становится на ступеньку.

Кто на стрелке?! Позвони Центральной, — говорит он мне, — и скажи, что будем гнать в порт. Леха с Игорем бегут на свои места.

Поехали вперед! — кричит бригадир и повелительно машет рукой.

Игорь повторяет сигнал, и эхом отзывается Леха. Состав трогается, и я возвращаюсь к машине, беру из фургона ломик, деревянный клин, жезл и сажусь в кабину. Сейчас мое место здесь.

Пока Юра ведет машину к перекрестку, связываюсь по рации с Центральной, сообщаю, где мы находимся, куда направляемся, а также номера вагонов. Не успеваю положить трубку, как мы останавливаемся. В лобовое стекло вижу знакомый мост. Вываливаюсь из кабины и бегу на угол. На стене дома висит металлический ящик; поворачиваю рубильник — отключаю автоматику и тороплюсь назад. Коротким водительским ломиком перевожу перо стрелки и вижу, что прилегает оно неплотно. Перебрасываю его назад и ломиком выгребая попавшую в желоб грязь. Стрелки чистят каждый день, но в такую погоду они засоряются уже через

час. Поспешаю, но одним глазом поглядываю на накатывающийся поезд. Хотя Леха человек опытный, но, как известно, береженого бережет даже тот, которого нет... В самом начале моей аварийной службы я вот так же возился со стрелкой, забыв о трамваях, надеясь, что мужики, те, что гнали вагон, сами обо мне позаботятся. А у них тоже получилась накладка: дотормаживание не сработало, а водитель растерялся по молодости, и хорошо, что на стрелке нас тогда работало двое. Напарник выдернул меня из-под самого бампера (у меня неделю не сходил синяк на предплечье), развернул к себе и выдал одну емкую фразу, стоившую всех прошлых и будущих лекций по технике безопасности.

Саша! — сказал он совершенно серьезно. — Вагон починить можно!..

Поезд останавливается метрах в пяти. Бригадир, взяв ломик, соскакивает со ступеньки, подходит ко мне и без слов помогает выгнать из желоба талый снег. Перевожу стрелку и заклиниваю ее деревянным бруском — не дай бог, переведется под вагоном. Тяжелая авария и целиком на нашей совести.

Коля возвращается на место, а я, взяв в руку полосатый жезл, а в зубы свисток, выхожу на середину улицы. Перекресток нерегулируемый, и, хотя трамвай имеет право преимущественного проезда, кое-кто надеется, что удастся проскочить. Иногда удается, иногда нет.

Поднимаю жезл и свищу изо всех сил. Съехавшиеся к перекрестку машины не слишком охотно, но подчиняются. Жду, пока все остановятся, поворачиваюсь к трамваю и даю один длинный свисток — сигнал начать движение. Когда состав проезжает, выбиваю клин, бегу к дому включить стрелку и назад, опять же бегом, к машине. Прыгаю на сиденье и перевожу дух. Спринт в сапогах и ватнике — удовольствие небольшое.

Юра догоняет трамвай и, сбросив скорость, едет наравне с первым вагоном. Мигалка (сигнальная лампа «маячок») по-прежнему включена. И все равно на каждой остановке люди выходят на посадку.

Граждане! — негромко говорит в микрофон Юра, и тут же над головой металлическим эхом взрывается «колокольчик» мегафона. — Вагон неисправен и проследует без остановки! Отойдите от полотна! Посадки не будет!..

Ну и народ! — негодует он, одновременно выворачивая баранку, чтобы объехать зазевавшегося пешехода. — Видят же, что фары горят, что бригада на ступеньках и машина рядом, и все равно лезут!

Да откуда им все это знать? — заступаюсь я за сограждан. — У них одно в голове — что им к полдевятого на работу.

Вот это ты правильно сказал, — усмехается Юра. — Откуда им знать? И что они вообще понимают?

Загоняем состав на кольцо и расцепляем вагоны. Пока мы с Игорем осаживаем буксировавший поезд, бригадир с Лехой идут смотреть неисправный. Мы помогаем водителю стать на свободный путь и тоже присоединяемся к ним. Водитель—полная, неопределенных лет женщина, стоит в салоне и пытается заглянуть в кабину. На ее месте уже сидит Леха, а дальше, в закутке у высоковольтного шкафа, тяжело ворочается бригадир.

Давай, пробуй! — говорит он.

Леха небрежно-привычным движением толкает от себя ручку контроллера, но вагон, едва заметно дернувшись, тут же застывает на месте.

Опять сгорел! — бурчит Коля.— Здесь нам больше делать нечего. Пойду звонить.

Леха разворачивается на сиденье к двери и выпрыгивает в салон.

Все! — довольно улыбаясь, говорит он водителю.— Поработала и будет. Сиди в буфете и жди буксира.

А что мне?! — безразлично отвечает та.— Посижу, подожду. Часа через два приедет, а там, глядишь, и смена кончилась. Так что, считай, я сегодня свое отпахала.

А вдруг замену пришлют? — коварно спрашивает Леха.

Но водитель только машет на него рукой:

Какую замену, Лешенька, господь с тобой! Будто первый год работаешь! Я целый час ждала, пока мне хоть вот этот дали. Угости-ка лучше папироской.

Леха достает мятую пачку «Беломора» и выуживает из нее одну за другой три папиросы.

Первые две он, внимательно осмотрев, выбрасывает за дверь, а третью подает водителю.

Кури на здоровье!

А зачем буксир? — спрашиваю я Леху.— Вторым вагоном она не уйдет?

Второй у меня с яйцами,— говорит водитель.

А! Тогда конечно — только буксир.

Игорь переводит недоуменный взгляд с меня на Леху.

А это, мил-человек,— со вкусом объясняет ему Леха,— у нас теперь рацпредложение — вместо двигателей к вагонам яйца подвешивают. Говорят, что быстрее бегать будет.

Я наскоро объясняю Игорю в чем дело. Двигателей в парках не хватает и на некоторых вагонах вместо четырех оставляют два, а сами вагоны ставят ведомыми в парниках. В качестве же сигнального знака рядом с передней дверью рисуют два кружка, именуемых в просторечии «яйцами». Пока первый вагон на ходу, отсутствие четверти тяги практически не заметно, но если первый, как сейчас, сдыхает, то останавливается весь поезд. В «кривой» двумя двигателями такую махину не вытянуть...

Мы возвращаемся к машине, курим и ждем бригадира. В окно диспетчерской виден его синий ватник, загородивший от нас и диспетчера, и телефон. Трамваи проходят по кольцу

один за другим, почти вплотную, бампер к бамперу; водители, едва успев отметить путевой листок, тут же уезжают, торопясь снова стать в расписание. Посасываю сигаретку и поглядываю искоса на суетливо прикуривающего уже третью папиросу подряд Леху. Спички у него то ломаются, то, не успев разгореться, гаснут; наконец, и весь коробок летит в сторону, но тут уже Игорь подносит ему зажигалку.

Леха! — окликает его из кабины Федорыч. — Чего маешься?! Смотри — у ларьков-то никого! Говорит Юра с участием, широко и добродушно улыбаясь, но Леху от его слов просто передергивает; он пытается как-то ответить, но только сплевывает и уходит за машину. Я невольно смотрю на часы — еще всего лишь половина девятого... Появляется бригадир. Широкими шагами проходит, почти пробегает к нам, но у самой двери резко тормозит, задерживается докурить. С папиросой Юра в кабину не пустит никого.

Никак дозвониться не мог, — говорит Коля. — С утра уже все работают. Смирновская с Блохинской на сходе, у Тихорецкой обрыв двигателя, остальные тоже где-то катаются. Центральная только телефон взяла — ой-ой, говорит, подождите, сейчас не до вас. Вот и ждал... Ну, что — поехали?!

Мы снова в фургоне. Покачиваясь на колдобинах, машина медленно выезжает с кольца. Хвост на Двинской уже рассосался, и народу на остановках поубавилось. Все-таки скоро девять, «пики» уже кончаются.

Слушай, — неожиданно поворачивается Игорь ко мне, — а почему они ломаются, эти трамваи?

Леха, отвернувшись от окна, тоже смотрит на меня. Уважение новенького мне и лестно и несколько смущает. Леха работает в этой системе раз в десять дольше меня и вагоны знает, во столько же раз лучше. Однако «стажер» спросил почему-то меня.

Ну, видишь ли... — нерешительно мямлю я. — Причин здесь много, например...

Да чего тут думать?! — как в драку, врывается в разговор Леха. — Дерьмо — трамваи!

Он любит поговорить на общие темы и высказывается всегда очень горячо и резко, правда, быстро и остывает.

А что — скажешь нет?! — продолжает он запальчиво. — Вот раньше вагоны были — эмесовские до сих пор еще бегает, а сорок девятые, а пятьдесят седьмые!.. А теперь что — понапихали разной автоматики, так вот эти шестьдесят восьмые и становятся через одного. А уж КТМы!..

Я чувствую, что Игорю вся Лехина тирада кажется дикой тарабарщиной, и наскоро пытаюсь разъяснить ему что к чему.

Вагоны у нас в городе бегает в основном ленинградского производства и различаются по году выпуска первой серии. ЛМ и дальше цифры. Сорок девятые, например, появились в

сорок девятом году, но их уже все списали. Остались пятьдесят седьмые — это те, что только по одному бегают, с такими зализанными обводами. А в основном сейчас ходят шестьдесят восьмые, они посовременнее, кузов у них помоднее, и работать они могут как по одиночке, так и в составах. А КТМы это те, что недавно появились; у них двери не складываются, а двигаются. Они даже не нашего изготовления, а откуда-то с Урала... Но ты, Леха, не прав. Автоматика эта вся по делу. Водителю проще работать, да и безопасней. Раньше у него все высокое напряжение через контроллер шло...

Раньше,— перебивает меня Леха,— на вагоне три реле было, и я в случае чего всегда знал, какое мне заклинить. А теперь их столько, что пока сообразишь где что, все движение в городе станет. Да половину еще под вагон запихнули, так, что до них вообще не дотянуться... А водителей учить надо, а то понасажали девчонок!

Так ты сам подумай — сколько сейчас вагонов в городе! Где же на них классных водителей напасешься? А на остальных трамваях тоже ведь не картошку повезут, а тех же пассажиров. Везде сейчас так, Леха,— чтобы от человека требовать поменьше, машины делают посложнее. А если посложней, значит, ненадежней. Ну, а насчет того, что вагон станет,— так ведь нам тоже за что-то деньги платят.

Но Леха не сдается.

А вот сейчас я видел — в городе уже бегают вагоны с тирис- торным приводом. Это же вообще сплошная электроника с телемеханикой. Так что, нам теперь на вызов вместе с кувалдой еще и осциллограф возить?

А вот,— робко влезает в спор Игорь,— нельзя ли так сделать, чтобы они, вагоны, вообще не портились?

Леха ошалело смотрит на новенького и даже присвистывает — эвона, чего захотел — чтобы у нас да что-то не ломалось! Успокоившись, он просит у Игоря папиросу и, зачмокав, снова отворачивается к окну.. Ему опять все ясно и легко; он высказался, отвел душу, - а остальное его не касается. Мне же приходится просвещать новичка, долго и нудно перечисляя, где и что-может у вагона выйти из строя. А возможностей таких намного больше, чем нам бы того хотелось...

За разговорами не замечаем, как добрались до точки. Выскакиваем из машины и спешим в дом. В комнатах пусто, тихо и чисто. Ваня за столом прихлебывает из стакана чай, читает газету. Заметив нас, он вскакивает и шумно радуется. Он опоздал, мы уехали на вызов без него, и, хотя никто не собирается его стыдить, чувствует себя неловко.

Здорово, Петрович! — кричу ему с порога.— Ты по нам не соскучился?!

Он приземист, коренаст, с заметным брюшком, что для его пятидесяти лет нормально; не умеет сердиться и сидеть без дела.

А, Павлович! Как жизнь?! Как супруга?!

Ну, о супруге в другой раз. Сейчас бы мне согреться да обсохнуть. В левом сапоге уже что-то хлопает при каждом шаге.

А я тут прибрал, чай заварил. Пейте, пока не остыло.

Горячий, крепкий чай после вызова, особенно зимой, это даже не удовольствие, а необходимость. Наливаю себе полную кружку темно-красного, почти коричневого напитка и закурываю сигарету, запивая каждую затяжку. Говорят, что вредно для желудка, но как вкусно! Леха с Ваней скрываются за шкафчиками, у них свои дела, бригадир в спальне говорит по телефону с Центральной, а Игорь, стоя посреди комнаты, беспомощно озирается: еще не обвык. Показываю ему, где взять кружку, ложку, сахар, он также с папирсом в одной руке и чашкой в другой присаживается за стол против меня. Я уже как будто согрелся и продолжаю прихлебывать маленькими глотками, разглядывая, надеясь, что незаметно, нового товарища. На первый взгляд он приятен — не злобен, не назойлив и, как мне показалось, достаточно расторопен, но — «будем посмотреть». Чтобы ужиться в бригаде, нужно научиться многому и на линии, и на точке. А пока что за ним нужен глаз да глаз.

Кстати,— спрашиваю его,— скажи, почему трамвай надо обходить спереди, а троллейбус сзади?

На мой наивный вопрос Игорь только ухмыляется — кто же в наше время не знает «Правила».

А чего ж ты тогда полез спереди машины?

Ну...— тянет он, выигрывая время.

Так и не дождавшись ответа, продолжаю сам:

В общем, понятно — пока сходило и сейчас сойдет. Но только учти: раньше ты улицу перебегал от случая к случаю, а теперь у тебя вся работа на дороге, и на каждом вызове тебе придется из машины выскакивать, и притом не один раз. Так что по теории вероятностей у тебя все шансы залететь. А посему лучше возьми себе такую привычку — обходить машину сзади. В любой ситуации — опасно, не опасно, есть движение, нет движения... Может, и пожнешь чего-нибудь получше...

В девять часов мы отпрашиваемся у Центральной и уезжаем закупать продукты. Теперь, если мы вдруг понадобится, нас вызовут по рации. Сначала отправляемся за мясом. Небольшой магазинчик, несмотря на ранний час, забит народом. В дверях не успеваю разойтись с женщиной в пышной шубе, она обтирает мех о мой ватник и злобно фыркает вслед. Я даже не оборачиваюсь. Знаю, что не прав, но... Вдали, над головами белеет шапочка мясника. Ваня протискивается к прилавку, мы следом, прикрывая его. Очередь настороженно косится на

нас, но пока молчит.

Константину Игнатьевичу! — здороваются с продавцом Ваня.

Он в свое время тоже работал мясником, и помимо прочего их связывает еще и цеховая солидарность.

Приветствую и вас! — отзывается, не глядя, Костя.

Он только что отрубил и взвешивает сочный ломоть грудинки.

...три... с вас три сорок,— сообщает он покупательнице и обращается к нам: — Что, мальчишки, кушать захотели?

Нам бы,— говорит Ваня,— мясца килограммчика два. Так, чтобы на первое, и на второе.

Сейчас сделаем!

И вот уже граждане начинают волноваться.

А почему это им без очереди?! — истерически вскрикивает плотная, коренастая тетка, обмотанная серым пуховым платком.

Ее тут же поддерживает нестройный женский хор.

Нет, пускай постоят!.. Видали мы таких!.. Так, если каждого пускать!..

Мужчины, а их в очереди немало, помалкивают. Может быть, сочувствуют нам, а может быть, побаиваются.

Товарищи! — пробую я умиловить разбушевавшуюся массу.— Вы поймите •— мы рабѣтаем сутками, нам нужно купить себе еды.

А нам что — не нужно? — продолжает напирать тетка; у нее мощный, тяжелый бюст и крепкие ноги, распирающие икрами матерчатые сапожки.— Станьте, как все, и возьмите!

Мы же аварийная бригада! — вступает Леха.— Нас могут вызвать в любую минуту! Какая же тут очередь?

Но все доводы напрасны. Тем более, что и у нас, и у них одни и те же.

А у_меня ребенок дома остался,— негромко и отвернувшись в сторону говорит молодая женщина в вязаной шапочке и модном, словно надутом пальто.— Мне тоже надо поскорей.

Все правильно. Наверняка у нее ребенок дома и, скорее всего, больной, и ей никак нельзя задерживаться и неудобно быть жадной, и поэтому она прячет глаза и говорит в никуда. И у каждого в очереди найдется не одна причина торопиться, кроме боязни остаться перед пустым прилавком. Но ведь и нам некуда деваться. Не сидеть же голодными целые сутки. «Эх, жизнь!», как говорил один литературный герой...

Наконец, выбираемся из магазина и возвращаемся к машине.

Ну и народ! — возмущается Ваня.— Это же надо — за паршивый кусок мяса плотку готовы перегрызть!

А ведь так совсем недавно стало,— говорит Леха.— Раньше было по-другому. Никаких

разговоров. Надо — пожалуйста! ^

Точно, точно! — поддакиваю и я, поскольку сам застал еще то золотое время.— Приходишь в магазин, сколько бы народу ни было, объясняешь, что из аварийной бригады и просишь разрешения взять без очереди- Да-да, говорят, конечно, ребята, берите, только чтобы трамваи ходили. А потом вдруг как отрезало.

Но ведь мы же и не спрашивали,— осторожно замечает Игорь,— объяснили бы, может, и нам разрешили. А раз поперли по-наглому, то конечно...

Леха только машет рукой.

Да тут все бесполезно: спрашивай — не спрашивай, объясняй — не объясняй. Разве они поймут?!

А кто это они?

Они,— говорю я,— это и есть они. А мы — аварийка!

Да бросьте языком трепать! — кричит из кузова Леха.— Поехали быстрее! Поработает с годик — сам поймет!...

Только переезжаем проспект Стачек, как вдруг останавливаемся. Бригадир выходит из кабины и открывает нашу дверь.

Бери-ка, Иван Петрович, сумку, деньги и дуй по магазинам. А мы поехали.

Ничего, что вчетвером? — тревожно спрашивает Ваня. •

Да там ерунда. Кто-то где-то делает задержку. Вот, ключи возьми.

Ваня, суется, забирает сумки и, протиснувшись к выходу, осторожно, задом вперед, спускается на землю. Бригадир хлопает дверью, машина срывается с места, и я чувствую, как меня спиной вжимает в переборку...

На этот раз задержка на Маклина. Ехать туда далеко и по такой погоде довольно долго, но, когда мы подъезжаем, вагоны еще стоят. Две молоденькие девчонки, одна другой тоньше, возятся со сцепными приборами. Вокруг толпятся зеваки. Чтобы ни случилось, место происшествия тут же обрастает народом, как грядка сорняками.

Разрешите пройти! — говорю в спину высокому, на голову длиннее меня мужчине и, не дожидаясь, пока он сдвинется, отпихиваю его в сторону. Толпа не скупится на советы и угрозы, девчонки-водители умело отругиваются. Оттесняем их в сторону и беремся за дело сами. Один из буферов оказывается погнутым, но после пяти минут общего пыhtения и взаимных упреков загоняем последний штырь и разбегаемся по местам.

Поехали вперед! — кричит бригадир.

До перекрестка еще метров двадцать, и, хотя на светофоре красный, можно не спеша продвинуться вперед, чтобы нас заметили.

Поехали! — команду водителю.

Водитель — девчонка лет двадцати с симпатичной, но раскрашенной по среднему уровню мордашкой.— подмигивает мне и лихо рвет с места. Лязгают буфера, Коля оборачивается и грозит мне кулаком.

Но-но! — говорю ей.— Помни, что ты буксируешь! И без моей команды никуда. А то смотри! Знаешь, что бывает с девочками, которые не слушаются старших?

Знаю,— говорит она и весьма откровенно, коротко и ясно излагает свою версию.

Ну и ну! Уж лучше бы я не спрашивал, а она бы молчала.

Медленно ползем вперед и останавливаемся у перекрестка. Узкая улочка, неизвестно кем названная проспектом, сжата собранным в сугробы снегом. Юра заехал на тротуар, докладывает по радиации Центральной, что движение открыто. Леха с Игорем стоят на проезжей части, «держат» машины. В основном, здесь поворачивают направо, но вдруг кто-нибудь сунется не туда.

Светофор перемигивает с желтого на зеленый, и мы выезжаем на перекресток. Леха внимательно следит за машинами, но успевает через лобовое стекло окинуть цепким взглядом и оценить, кто сидит за контроллером.

Давай, давай! — кричит он мне, широко ухмыляясь.— Жми, не бойсь!..

Бригадир нетерпеливо машет рукой, мол, «быстрее!», но я не тороплюсь. Движение открыто, а в городе, да в такую погоду, спешить некуда. Можно оказаться совсем в другом месте. Тем более, что кольцо близко, а с таким водителем я не прочь и покататься. Девчонка обрадовалась случаю и болтает без умолку. Отвечаю ей охотно, но односложно, поглядывая за дорогой и бригадиром. Хотя стаж у нее меньше года, ведет трамвай она лихо, несмотря на то, что вслепую. Многих опытных водителей, видимо, не раз уже бывших вагоны, приходится подгонять при буксировке, а эту, наоборот, то и дело одергиваю. Но реакция у нее отличная, и правая рука, как и положено по инструкции, лежит на рукоятке экстренного торможения.

Конечная станция «Площадь Репина». Нам здесь делать правый поворот, значит, мешают и те, кто рядом, и может сделать левый поворот встречный трамвай. Леха переводит стрелку, Игорь перекрывает движение.

Поехали! — командует Коля.

Вижу, что вывернувший от Садовой «двадцать девятый» мигает лампочками, готовясь к повороту. Но там Игорь. «Поехали»,— говорю водителю, и она опять рывком подает состав вперед. Вдруг Леха бросается наперерез, проскальзывая у самого бампера первого вагона, а Коля, свесившись со ступеньки, что-то кричит в ту же сторону. Что у них стряслось, не понимаю, но любой неясный сигнал — остановка.

Стой! — ору истошно и изо всех сил сжимаю дюралевую трубку поручня. Щелкает переключатель, и с грохотом падают четыре «башмака» рельсового тормоза, катушки

индуктивности весом по два центнера каждая. Вагон застывает на месте. От толчка у Коли слетает шапка, но он, будто не замечая этого, прыгивает со ступеньки и спешит за вагон. Я тоже направляюсь в ту же сторону, но не успеваю дойти и до средних дверей, как бригадир появляется снова. Поднимает на бегу шапку и отряхивает о колено.

Поехали! — уже не кричит, а ревет он яростным, утробным басом.

Поворачиваюсь и спешу на место. Девочка спокойно сидит за контроллером и ждет приказаний. Сзади трезвонят недовольные" задержкой трамваи.

Поехали! — говорю я в который раз.— Только осторожно.

Вагон ползет вперед, а я поднимаюсь в салон взглянуть, что там случилось. Все ясно! Игорь где-то «хлопнул», и «двадцать девятый» едва не перерезал нам дорогу. Леха уже успел отогнать его назад и теперь, размахивая руками, выговаривает водителю... Вообще-то столкновение вагонов на стрелке не редкость, и чаще всего не пропускают друг друга трамваи, идущие в одном направлении. Проскочивший первым забирает большую часть пассажиров, а, значит, и выручки...

Не торопясь въезжаем на кольцо, на ближний к домам путь. Соскакиваю на снег и иду расцеплять вагоны. Успевший уже прибежать Леха ломиком пытается разжать фиксирующую скобу. Подходит бригадир, молча отодвигает его в сторону и одним рывком выдергивает и скобу, и штырь.

Брось ты,— говорю ему,— не переживай! Все обошлось!

Я ему уже натолкал,— добавляет Леха,— надолго запомнит!

...! — говорит бригадир.— Я на него, сукиного сына, докладную подам! Запиши его, Саня!

Послушно иду записывать номер вагона, хотя отлично знаю, что никакой докладной не будет. Покричать — покричим, да на том и закончим. Докладные и рапорта подают старшие на младших, те, кому по званию положено, а ябедничать на равных себе как-то не принято. И наверно, не столько из этических соображений, как из политических — как бы в следующий раз не подали на тебя самого. Каждый сам знает, в чем грешен, и предпочитает помалкивать.

Когда возвращаюсь к нашему составу, вагоны уже расцеплены. Бригадир с Лехой идут смотреть неисправный, а мы с Игорем занимаемся тем, что буксировал. Помогаем водителю, ее зовут Галиной, сдать назад и поставить вагон на свободный путь. Пока она бежит к диспетчеру отмечать путевой листок, вагон заполняется пассажирами. Мы с Игорем в это время смотрим заднюю дверь. Зачищаем и закрепляем провода у вентиля, несколько раз хлопаем створками. Кажется, все в порядке. Прибегает Галя.

Ну, мальчики, спасибо! Я поехала!

Мы нехотя выходим из вагона.

Спасибо за службу! — говорю Гале.

На здоровье! — смеется она.

Не так отвечаешь! Смогла бы — еще послужила!

К чертовой матери такую службу!

Я в притворном изумлении развожу руками.

Да я же не о том!

А-а! Ну, тогда с удовольствием!

Игорь толкает меня в бок.

Телефончик запиши!

Но я отмахиваюсь. Ничего особенного мы друг другу не сказали, обычный треп. Тогда уже надо записывать адреса и телефоны всех водителей, с которыми когда-нибудь приходилось работать. Но девочка и в самом деле мила. Не отхожу от вагона, жду пока уедет. Галя поудобнее усаживается в кресле, кивает мне на прощание и двигает ручку контроллера.

Вспышка ослепляет меня, и я застываю на месте. Вижу, как мечется пламя в кабине и пассажиры в салоне. Мимо проносится Леха и с ходу всаживает плечо в закрытую дверь. От удара створка складывается, он проскальзывает в щель, взлетает по ступенькам и выволакивает Галю из кабины. Следом уже бросаюсь и я. Открываю двери пассажирам, оттягиваю пантограф и сразу же лезу на крышу посадить его на крюк. Если пламя сбить не удастся, веревка, которой закрепляют пантограф, перегорит, он опять поднимется к проводу, и тогда пожарные не смогут работать с вагоном, пока не обесточат весь участок. Пятьсот пятьдесят вольт пробивают даже пенный раствор.

На крыше мокро и скользко. Осторожно пробираюсь к токоприемнику, хватаю его и тяну вниз, пока тяга не заходит в скобу крюка... Теперь скорее вниз. Нащупываю первую ступеньку и тут вижу Игоря, бегущего с огнетушителем в руках...

Когда я снова оказываюсь в салоне, пассажиров уже нет, а Леха в кабине поливает углекислотой высоковольтные предохранители. Бригадир вертит в руках металлический ящик, в таком у нас хранятся гаечные ключи. Он показывает мне боковую стенку, где у самого днища чернеет рваная, с обуглившимися краями дыра; изнутри в отверстие вываливаются полусгоревшие бумажные обрывки — может быть, абонементные талоны, а может, куски билетной катушки.

Вот это коротнуло!

Галя стоит поодаль и смотрит на меня каким-то застылым взглядом. Левая щека у нее измазана сажей. Я подхожу к ней, криво, нелепо усмехаясь. Губы у меня, кстати, тоже подрагивают.

Ну что, мать, испугалась?!

Вместо ответа она вдруг бросается мне на грудь, прижимается к замасленному ватнику и

плачет навзрыд. Растерявшись, пробуя обнять ее, погладить по голове, но вовремя вспоминаю, что ладони у меня грязнее грязи. Глупо бормочу ей в ухо:

Ну, перестань... Ну, успокойся...

Но она не желает. Правда, постепенно сквозь всхлипывания начинают пробиваться какие-то слова:

Да... эту работу! Что же я за дура такая! Сидела бы себе в ателье тихо-спокойно. Нет, понесло сюда! Да... эти трамваи!

Нам приходится еще задержаться на площади. Загоняем Галин вагон на путь, где уже стоит неисправный, тот, что она сюда прибуксировала. Диспетчер недоволен — у него и так осталось одно свободное полотно, а тут еще нужно ждать буксиры из разных парков. Но что же делать? Пускай торопит начальство...

Ну, и работенка же у этих водителей! — говорит Игорь, когда мы уже едем назад. — Со стороны посмотреть — кажется, рельса сама доведет. А приглядеться — так тихий ужас.

' — А что ты думаешь?! — немедленно откликается Леха. — Я десять лет за контроллером отпахал и еще, когда уже сюда перебрался, подхалтуривал несколько смен в неделю. А потом решил — баста! Всех денег не заработаешь, а здоровье — оно одно... Вот представь себе, — он ловко перебрасывает свое жили-* стое тело на ящик с колобашками так, чтобы видеть нас обоих, — у них три смены — утренняя, дневная и вечерняя. Случается, отработал вечером, а на следующий день в утро. Первый выпуск в полшестого, это значит вставать в три часа к развозке. По лестнице на ощупь спускаешься, а на улице холод, ветер, темно... Пока эту развозку ждешь, такой колотун проберет, за день не отойти. Влезешь в автобус, сунешься на свободное место и добираешь. А если еще и прихворнул?..

И аптека только с двух! — добавляю я.

Игорь с Лехой довольно хохочут. Это еще одна нескончаемая тема.

Ну, правильно, — отсмеявшись, говорит Леха, — всякое бывает, ведь на земле же живем. С похмелья и к станку не очень-то станешь, а каково же за контроллер. Тут же не только за себя отвечаешь, еще и пассажиры. А их в пики набивается — только вагоны трещат. И чуть отвлекся, клюнул носом — готово, авария! Саня, ты помнишь тот наезд на Дальневосточном? Помню ли я?! Это случилось в первый год моей работы, когда и более простые аварии были мне в диковинку, а тут... В восемь часов утра у Малой Охты столкнулись два переполненных вагона. Водитель заснул и наскочил на трамвай, притормозивший у перекрестка. Нас вызвали туда на помощь, сняли с линии, и пока еще мы мчались по Обводному, видели идущие в том же направлении «скорые», а когда подъехали к месту, глазам стало больно от бесчисленных «маячков» медицинских машин...

А что случилось? У него накануне был день рождения, да там еще с женой нелады,

разводиться он, что ли, хотел... так он просил, чтобы его на линию не посылали. Отработал бы потом, и все дела. А ему — бери вагон, как-нибудь отъездишь!.. Вот и отъездил! Два вагона на свалку, полсотни человек в больницу, сам чудом в живых остался и получил восемь лет строгого.

А тем, кто его выпустил? — спрашивает Игорь.

Тем! Ну, дали, наверно, по выговору. Ну, может, премии лишили. Начальство как-никак, инженеры!.. Вот объясни,— Леха опять поворачивается ко мне,— как ты это понимаешь?!

Завистливая неприязнь к начальству доходит у Лехи до смешного. Так, например, он искренне уверен, что людей с высшим образованием не забирают в вытрезвитель. И отвечать на все его подковырки — язык распухнет. Да и с какой стати я должен расплачиваться своим дипломом за чужие грехи?! Беззлобно, но решительно посылаю Леху как можно дальше и придвигаюсь к окну.

Уже рассвело, и день, хотя такой же слякотный, как и два часа назад, стал как будто приятнее. Но народу на улице немного. Те, кто работает в утро, уже у станка, а остальные еще не вышли. В такую погоду и в самом деле лучше «уйти» дома. Любая машина, даже легковая, веером выпускает грязь сразу из-под всех четырех колес. У Обводного долго стоим под светофором. Как раз с моей стороны пивной ларек. Несколько мужиков в спецовках окружили поставленный «на попа» тарный ящик. На ящике расстелен кусок газеты с нарезанной рыбой. Мужики прихлебывают потихоньку пиво, настороженно озираясь по сторонам, и вдруг, бросив кружки, опрометью кидаются врассыпную, завидев, что рядом останавливается милицейский «уазик». Сигнал уже наш, но мы все еще стоим. Несколько раз взрывает сирена, но это не вызов, просто Юра пытается разогнать пробку. Наконец, трогаемся и медленно ползем через мост...

Когда мы приезжаем на точку, Ваня встречает нас на крыльце.

Как дела, Михалыч? — встревоженно спрашивает он.— Я уже давно пришел, а вас все нет и нет. Даже беспокойно стало ■>— уж не случилось ли чего!

Ерунда! — отмахивается Коля.— Буксировали. Да потом еще повозились... Сане там девочка приглянулась, так мы ждали, пока он договорится. Чайник-то поставил?

Поставил, поставил! — торопится вперед Ваня.— Уже и заварил, и снова поставил. Давайте, ребята, грейтесь!

Сосуд, в котором мы завариваем чай, бывший гейзерный кофейник, стоит на скамейке, обмотанный ватником. Ваня разворачивает его и гордо ставит на стол.

Давайте пейте! Булка в кастрюле, масло в холодильнике, а я мясом займусь. А ты, Борисович, можешь ребятам и хлеба поджарить, я сковородку разогрел.

Все купил? — строго спрашивает его наш шеф-повар Леха.

Да как тебе сказать...— теряется Ваня.— На обед-то все. А на ужин я думаю купить рожки. Уж больно картошка плохая. Как, Саша, ты не против?

Но я занят приготовлением бутерброда, и, что там будет через десять часов, мне все равно.

Да сделаем рожки,— уверенно говорит Леха.— Проголодаются — сметут. Даже тараканам ничего не оставят...

Мы сидим за столом и завтракаем. Горка поджаренных Лехой ломтиков исчезает мгновенно. Еще не успев дожевать, тянусь за следующим, он же последний, и прямо в миске сталкиваюсь с пятерней бригадира. Остальные веселятся. Мы с Колей начинаем расшаркиваться друг перед другом и делать вид, что лезли в миску совершенно машинально. Первому это надоедает Юре.

Сейчас я вас примирю! — говорит он, берет спорный кусок и съедает.

Я невольно сглатываю слюну.

Не переживайте, мужики! — смеется Леха.— Сейчас плитка занята, а вечеров еще наделаю.

Дурак ты, все-таки, Леха! — неожиданно говорит Юра.— Обижайся, не обижайся, а все-таки дурак!

Леха, естественно, обижается.

Да потому,— отвечает ему Юра,— что не работаешь. Ты же вон сколько умеешь, даже готовишь, а ни хрена не делаешь!

А здесь, что, скажешь, не работа?

А что — работа?! Заберешься за сутки пару раз под вагон и все дела.

Кто-то же должен этим заниматься,— вступаюсь я и за Леху, и за честь цеха, то бишь за себя. — И потом — мы аварийка. Есть работа — мы работаем, нет — не работаем. У нас, считай, как ~ оперативное дежурство.

Нехай так. Значит, сутки он здесь торчит, а что потом?

А потом, Юрочка,— отвечает ему Коля,— у нас период восстановления. Трое свободных суток на отдых.

. — Нет! — убежденно говорит Юра.— Свободное время не для тЫЗГО, чтобы отдыхать, а чтобы работать. Вот ты у себя в теплице шииешь, Ваня ящики таскает, даже Саня чем-то там занимается, а этот что?!

Сам Юра, хотя перерыв между сменами у него на сутки меньше, чем у нас, .заполняет его работой так плотно, что туда с большим трудом влезает даже стакан. Он и внешне такой же обстоятельный и увесистый, грузноватый, с круглым, мясистым лицом и, естественно, недолюбливает легкого, словно подбитого ветром Леху.

Я тоже подхалтуриваю,— пытается защититься тот.

Где? Тому приемник сделаешь, тому часы, этой потолок — и все за бутылку! Нашел бы себе

дело, настоящее, и сам бы деньги имел и людям от тебя польза была бы.

А жить когда?!

Это по бабам, что ли, шастать?! Пускай этим молодые занимаются, а тебе ведь уже за полсотни перевалило. Да и будет у тебя что на кармане, они сами прибегут. Уж будь уверен!

Они это дело за сто километров чуют. \

А здоровье?! — дурашливо вскрикивает Леха.— На них одних сколько здоровья нужно! Мне Людмила, кстати, так прямо и заявила — чтоб никаких халтур! Лежи, отдыхай, набирайся сил. Вот позавчера она приходит с работы, я ее встречаю, так прямо в дверях...

Да пошел ты! — рывкает на него не на шутку разозлившийся Юра, встает и уходит мыть руки.

Федорыч! — кричит ему вслед Леха.— Хочешь, я и тебя познакомлю? Но ведь и правда, мужики,— здесь работай, там работай, тут работай, а когда же жить?! А не работай — на что жить?!

Мы сидим и чистим картошку. Втроем. Леха возится на кухне, Коля в спальне заполняет журнал, а Юра, как обычно, ковыряется в машине. В комнате снова и дымно, и шумно; чадят и трещат Лехины сковородки, по радио диктор хорошо поставленным голосом перечисляет очередные успехи, а в телевизоре веселятся барабаны и дудки дружественного африканского племени. И тут еще Юра приносит с улицы стальную полосу, зажимает ее в тиски и принимается шаркать напильником... Первым не выдерживает бригадир. Он выскакивает из спальни и орет, легко перекрывая и радио, и телевизор:

Вы, что, очумели?! Или у вас у всех уши заложены?! Да выключите хоть что-нибудь!

Ваня бросает нож и послушно вскакивает.

Сейчас, сейчас, Михалыч, сделаем!

Он совсем выключает радио и уменьшает громкость телевизора примерно наполовину. Коля, удовлетворенно хмыкнув, снова скрывается за дверь.

А может, его совсем выключить? — советуется с обществом Ваня.

Большинство, не питая особой симпатии к развивающимся культурам, как будто не против, но я протестую. Пускай попрыгают, покричат, а мы посмотрим. Все же любопытно.

Ты лучше Юру убавь! — советует из кухни Леха.

Очень неосторожно! Юра еще не успел остыть и заводится с пол-оборота. Мы старательно отмалчиваемся, но он, не встречая отпора, распаляется все больше и больше и, наконец, решительно выдергивает из розетки шнур питания телевизора. А вот это уж слишком! Немедленно встаю и вставляю вилку на место. Следует немая сцена: мы с Юрой пожираем друг друга глазами и... на этом все и заканчивается.

Да бросьте, мужики! — укоризненно говорит Ваня.— Ей- богу, как дети!

Я подмигиваю Юре и убавляю громкость до минимума. Он, все еще хмурясь, отворачивается и снова берется за напильник. Полоса вихляет и противно скрипит. Тут Леха, улучив момент, отбегает от плиты, оттесняет Юру в сторону и по-новому зажимает полосу. Теперь слышен только шорох напильника.

Вот так! — говорит он, возвращаясь на место.— Все-таки пятый разряд!

Пятый! — ворчит Юра.— Кто вам только их дает?!

Тот же, кто и тебе! — отвечаю ему в тон.

Игорь смотрит на меня с упреком, но я только улыбаюсь. Работа помирит! Нас здесь шесть мужиков, вынужденных жить бок о бок целые сутки, и понятно, что случается всякое; нынешняя стычка это вовсе даже еще не ссора. Бригады подбираются не по психологической совместимости, и мы все как-то притираемся друг к другу: где-то ужимаешься сам, где-то выравниваешь соседа. Но самое интересное — я не припомню размолвки, которая пережила бы ближайший вызов. И чем серьезней авария, чем больше нам приходится попотеть, тем быстрее все забывается. Меня, как и каждого, еще на школьной скамье уверяли, что труд — это панацея, труд — это... И все эти сентенции навязли в зубах до отвращения, но все-таки с каждым прожитым годом я все более уверяюсь, что чем истина проще и площе, тем она верней. К нашему общему сожалению...

Дверь в спальню открывается и на пороге вырастает бригадир. В шапке! Все настораживаются.

Едем? — тревожно спрашивает Леха.

Да! — отвечает Коля, но, когда мы уже поднялись, добавляет.— Но только я. Мастер сейчас звонил. Оказывается, сегодня в конторе большой день — цехком, инструктаж, партучеба. А я и забыл. Саня, остаешься старшим. Думаю, что справитесь.

По штатному расписанию я помощник бригадира — «полбугра». И хотя и по опыту, и по знанию работы я не тешу себя надеждой когда-нибудь сравняться с Лехой, но тот уже столько раз попадался «с запахом», что теперь ему с трудом доверяют даже не бригаду, а самого себя. Впрочем, если мы остаемся без бригадира и нарываемся на что-нибудь этакое экстравагантное, решающее слово по работе всегда остается за Лехой, ну а на мою долю остается осуществлять внешние сношения с представителями власти и, разумеется, отвечать перед начальством...

Вроде я уже столько раз оставался за бригадира, но оказывается, что так и не смог привыкнуть. Только что я чистил картошку, завтракал, переругивался с Юрой и, хотя знал, что меня в любую минуту могут сорвать с места, чувствовал себя уверенно и спокойно. Теперь же, чем бы я ни был занят, держусь настороже и внимательно прислушиваюсь к телефонным звонкам, которые, как назло, пошли один за другим.- И без того не большой

ценитель этого изобретения — мне легче проехать полгорода, пусть даже с риском оказаться перед пустой квартирой, чем, позвонив, убедиться, что меня ждут,— с началом моей работы в «подъемке» я его просто возненавидел. Первые полгода к удовольствию окружающих я нервно реагировал на любые звонки в любом месте, в любой ситуации. Сейчас немного притерпелся, но сегодня этот пластмассовый ящичек опять преследует меня, куда бы я ни направился. Дверь в спальню приоткрыта, я распахиваю ее настежь, чтобы невзначай не пропустить сигнал. Леха довольно ухмыляется:

Да не нервничай, Саня, услышим! Ну, в крайнем случае, диспетчер прибежит. Попей-ка лучше чаю!

Ну что, тоже дело! Наливаю полкружки заварки, но не успеваю и дотянуться до чайника, как снова звонит телефон. Частые, тревожные гудки — это нас! Срываюсь с места, по пути налетаю на стул, и он с треском валится на пол, едва не увлекая за собой и меня. У стола оказываюсь одновременно с сигналом диспетчера. Срываю трубку и хриплю перехваченным от волнения голосом:

Подъемка слушает!

В динамике на фоне какого-то неясного бормотания вдруг прорезается женский голос:

Подъемка?! Поехали быстренько — угол Новостроек и Стачек. Стоит движение...

Когда подъезжаем к перекрестку, вижу, что он свободен, но справа и слева от него уже успели выстроиться трамвайные хвосты. Где же поломка?!

Сообщи, что мы на месте,— кидаю я Юре и вываливаюсь из кабины.

Навстречу уже спешит ревизор. Невысокая, плотная женщина в красной вязаной шапочке; надето на нее столько, что издалека кажется, что она не идет, а катится. Всю свою смену, двенадцать часов, она проводит в тесной и холодной будочке, отмечая проходящие поезда, да кроме этого обязана выезжать на каждую задержку, где тоже неизвестно, сколько придется торчать.

Ребята, ребята, давайте сюда! — кричит она на ходу.

Вместе с ней мы выходим на мостовую. Уголком глаза слежу за объезжающими нас машинами.

Вот! — показывает ревизор.— Пересечка сломана!

Место, где перекрещиваются троллейбусные и трамвайные провода, одно из самых ненадежных. Задрав голову и придерживая шапку, смотрю вверх. Высота контактной сети больше пяти метров, но здесь неисправность видна сразу — из переплетения проводов, металла и дерева торчит оторвавшаяся рейка.

В том направлении движение идет! — торопится все выложить ревизор.— А здесь надо с оттяжкой.

Так что же не пропускаешь? — высовывается из-за моей спины Леха.— Твое дело до нашего приезда обеспечить движение. А ты только рот открываешь: «Ребята!.. Пересечка!..»

Они с ревизором старые знакомые.

Да как я тебе движение пушу, дурья твоя башка,— обрушивается «красная шапочка» на Леху, — когда мне тройник отсюда не утащить? 1

Какой еще тройник?

Вон стоит,— показывает она направо.— Со сломанными пантографами. Я его еле-еле с перекрестка вытолкала да второй поезд перетащила. Сейчас сцепляются.

Елки-палки, а я совсем забыл о пантографе. Сейчас уже не до пересечки, этим займется ревизор, а нам в первую очередь нужно убрать неисправный поезд.

Посылаю Леху и остальных сцеплять вагоны, а сам бегу к машине. Юра, заметив меня, уже возится с рацией и, только я открываю дверцу, протягивает трубку. <

Центральная!..

Это...— называю наш номер,— со Стачек. Здесь сломана пересечка, нужна вышка. У пятьдесят второго сломаны токоприемники, погоним его на кольцо.

Хорошо! — грассирует голос.— Вышка вызвана. Открывайте движение. Ревизор здесь?.. Пусть дежурит на перекрестке, пропускает с оттяжкой.

Бросаю трубку, говорю Юре, чтобы подъезжал ближе к вагонам, а сам бегу туда напрямик. Там пока не ладится. Леха в сердцах стучит кулаком по стеклу, сквозь которое смутно просматривается испуганное лицо водителя (опять девчонка!), а Ваня с Игорем, уперевшись ломиками в снег, пытаются сдвинуть буфера.

Вот ведь насажали водителей! — кричит, увидев меня, Леха.— Ей говоришь — толкни вперед, она прет на метр. Говоришь — сдай назад, пятится аж до перекрестка! Учат их, учат... Садись сам,— говорю ему.— Мы здесь справимся.

Леха выгоняет из кабины вконец затурканную девицу и садится за контроллер. После нескольких маневров мы сцепляем поезд.

Пойдем, сложим пантографы! — кричу я Лехе.

Я смотрел уже — можно гнать и так.

Ему, конечно, виднее, но отвечать-то мне... Ладно, и так много времени потеряли. Да и гнать недалеко.

Становись к водителю, только не спеши. Все же тройник гоним.

Игоря я ставлю в середину тройника, а Ваню посылаю к машине, делать стрелки.

Скажи Юре,— кричу ему вслед,— пусть передаст, что движение открыто!

Сам, увязая по колено в сыром, тяжелом снегу, пробиваюсь к головному вагону. Поднимаюсь на подножку и оглядываюсь. Тройник стоит в кривой, и мне не видно даже Игоря. Достаю из

нагрудного кармана свисток, даю длинный одиночный сигнал и жду. Через несколько секунд чувствую толчок, и рельсы, едва чернеющие сквозь толстую ледяную корку, ползут навстречу.

Хотя до перекрестка еще метров сто, внимательно слежу за дорогой и свисток держу в зубах, чтобы успеть вовремя подсвистнуть нерасторопному пешеходу... Когда я вот так в первый раз стал на головную площадку, то от страха взмок за несколько остановок, у меня постоянно было ощущение, что кто-то готовится просто назло мне прыгнуть на рельсы из мертвой зоны... До стрелки остается метров десять, даю несколько коротких свистков, поезд еще скользит вперед и, резко вздрогнув, останавливается.

Машина уже здесь, и Ваня возится со стрелкой. Спрыгиваю с подножки, иду к нему. Здесь нерегулируемый перекресток, и движение лучше перекрыть вдвоем. Состав перед стрелкой уже выкатился на прямую, и я отчетливо вижу Леху. Он, держась за поручень, откинулся насколько можно и, вытянув шею, усердно вглядывается в дорогу. Все-таки толкаем три неисправных вагона.

Поднимаю руку — «Внимание!». Состав едва заметно начинает накатываться на перекресток. Наблюдаю за движением: встречный трамвай идет прямо, машины от Комсомольской площади стоят, Ваня перекрыл Кронштадтскую, можно ехать... И тут к полотну от автобусного кольца с наглой самоуверенностью выворачивает «Икарус». Бросаюсь ему наперерез и свищу, что есть мочи. Автобус останавливается в нескольких метрах от меня, так что даже лицо обдает теплом работающего двигателя. Грожу шоферу кулаком, тот виновато разводит руками — мол, «не заметил», и, показывая, что согласен ждать, облакачивается на баранку.

Поехали! — кричу Лехе.

Когда вагон оказывается рядом, прыгаю на подножку и делаю несколько круговых движений рукой: «Скорей! Скорей! Надо освободить перекресток!» Но Леха не торопится. Напротив, обернувшись, вижу, как он, свесившись, всматривается под колеса и грозит водителю пальцем: «Тише!»

Что же, и он прав. На стрелке лучше не спешить. Так вот всегда — стоишь впереди, видишь, что путь свободен, и торопишься, а станешь сзади — ничего, кроме вагонов, не видно, и поневоле притормаживаешь...

Загоняем состав на кольцо, отпускаем буксир и принимаемся за пантограф. Он осел назад и уже не достает до провода, но зазор неприятно мал.

А знаешь, что, — говорит мне Леха, — позвони-ка лучше Центральной, пусть отключат напряжение. Ну, постоят вагоны еще минут пять, зато сделаем спокойно.

Вот ведь незадача! Будь с нами Коля, я немедленно поддержал бы Леху. Черт с ней, с лишней

задержкой — здоровье дороже. В проводе полкиловольты постоянного тока, и если пантограф случайно качнется вверх... Но до чего же не хочется просить! Чем рисковать — шкурой или самолюбием?!

Давай-ка удочку,— говорю я Ване.

Они с Игорем бегут к машине и вытаскивают «удочку» — разъемный пятиметровый бугор. Мы с Лехой быстро договариваемся, что будет делать каждый, и я лезу на крышу. Внизу ребята собирают багор. То ли разбухло от сырости дерево, то ли заledenели соединительные трубки, но возьтса они трудно и долго.

Скоро вы там?! — нетерпеливо кричу им сверху.

Они подносят «удочку» к машине и, уперев основание в колесо, вдвоем наваливаются на верхний конец. Ну вот, все готово. Вижу, как над крышей вырастает коричневая палка с насаженным на нее крюком. Крюк долго, ощупью тыкается в разные стороны и вот захватывает «рог». Ребята тянут вниз, и каретка отгибается от провода параллельно земле. Теперь моя очередь. Делаю несколько быстрых шагов, ноги соскальзывают по мокрой резине, и, проскочив пантограф сбоку, почти в прыжке намертво вцепляюсь в каретку.

—• Готово! — радостно кричу вниз.

Мигом и Леха оказывается на крыше. Забегает с другой стороны и также берется за пантограф. Медленно, аккуратно мы ведем пантограф вперед, внимательно следя за кареткой. Еще усилие, и рама оседает вниз. Ваня из кабины натягивает веревку, но для верности еще зацепляю тягу за крюк токоприемника. Теперь можно и перевести дух.

Что же, вроде сделали,— говорит Леха, оглядывая пантограф.

Нормально! — деланно-небрежно отзываюсь я, но в желудке посасывает, как после диетического обеда.

Года полтора назад, я тогда работал в другой бригаде, мы вот также полезли складывать пантограф, не отключив напряжение. Бригадир впереди, я за ним. Мужики снизу также «удочкой» оттянули каретку, но, видимо, второпях, плохо соединили багор. И когда бригадир уже почти взялся за раму, «удочка» расцепилась, и пантограф поднялся к проводу. «Бугор» не сказал ни единого слова, даже не откачнулся назад. Он молча стоял и ждал, пока снова соединят «удочку» и оттянут каретку, и только потом, когда мы, уже закончив работу, спустились с крыши, коротко кинул старшему из работавших внизу:

В следующий раз полезешь сам!..

Слезая с вагона и иду в диспетчерскую звонить. Сначала рассказываю дежурному инженеру, что там сломалось у «пятьдесят второго», затем докладываю Центральной.

Спасибо! — благодарит нас диспетчер и тут же озабоченно прибавляет: — А теперь поезжайте на Стачек. Надо пропускать вагоны. Ревизор, наверное, уже с ног сбилась.

А разве вышки еще нет?

Очень много работы по городу. Все вышки заняты. Как только освободится — сразу пошлем к вам.

А я-то был уверен, что, пока мы возились с тройником, пересечку уже исправили. Но — делать нечего. Грузимся в машину и возвращаемся на Стачек.

Там относительно спокойно. «Хвост» уже рассосался, и трамваи подходят с интервалом, а перекресток простой и к тому же регулируемый. Но ревизор действительно забегалась.

Куда же вы пропали?! — кричит она нам еще издалека. — Давайте, ребята, помогайте. У меня здесь сплошные парники идут...

Пропускать с оттяжкой просто. Водитель разгоняет трамвай и сам, или наш человек, из кабины оттягивает пантограф, а вагон проскакивает поврежденное место по инерции...

Посылаю бригаду на ту сторону проспекта, к остановке, а сам беру жезл и выхожу на перекресток, на центр проезжей части. Не слишком-то приятно стоять спиной к машинам, но надеюсь, что моя «сигналка» еще кое- где просвечивает оранжевым. Вот к перекрестку подходит и останавливается перед светофором парник. На втором вагоне пантограф уже оттянут, а в кабине первого, рядом с водителем торчит Леха, держась обеими руками за веревку. Загорается зеленый сигнал, и трамвай движется. Отступаю от полотна, и когда кабина оказывается против меня, опускаю руку. Леха приседает, пантограф сжимается к крыше, и поезд проскакивает под пересечкой. Вот и все. У перекрестка стоит следующий вагон, там, в кабине, Ваня, но я не разрешаю ему ехать. Справа слышу резкие свистки, — это милиция пугает пешеходов. Проскочивший перекресток трамвай стоит и ждет, пока Леха поднимет пантограф на втором вагоне. Наконец, он отпускает поезд и не спеша идет назад. Пропускали бы в обоих направлениях, по двое в каждую сторону, тут бы он возвращался рысью. А на нерегулируемом перекрестке и я бы повертелся, перекрывая движение.

Снова загорается желтый, и я ухожу на тротуар, к машине. Автобусы, грузовые, легковые всех размеров, марок и цветов идут сплошным потоком, обдавая едкими выхлопами. Вот прошел «Икарус» с полуприцепом, а за ним шлейфом тянется черное облако. Сейчас еще терпимо, а летом, даже ленинградским, уже трудно дышать и на не слишком перегруженных улицах.

Почему пропускаете по одному поезду?!

Это подошел «гаишник». Молодой, круглолицый и курносый парень. Смотрит хмуро, но ему, наверно, кажется, что сурово. Объясняю, что пропускать два поезда подряд нельзя. То есть можно, но опасно. Могут быть столкновения. Сержант смягчается и просит закурить. Закуриваем, но тут опять меняется сигнал, и мы расходимся по местам...

Так проходит минут двадцать. Ноги стынут, и, в очередной раз ожидая у поребрика, ловлю

себя на том, что невзначай пристукиваю сапогом о сапог. А ведь сейчас всего лишь чуть ниже нуля. В настоящую зиму постоишь вот так часика два, потом до конца смены не отогреешься. Но где же вышка?!

Этот же вопрос задает мне и Леха. Проводив очередной вагон, он останавливается у машины поболтать.

Только что звонил,— отвечает ему Юра.— Говорят, что едет.

Улита едет — когда-то будет! А чего им торопиться? Им же задержка не идет. Как сделают, так и ладно. Может, они вообще сидят там в тепле и «козла» забивают!

Ну-ну, так уж и козла,— пытаюсь я урезонить Леху.— Такие же мужики, как и мы, и так же вкалывают. Давай, иди, сейчас твой вагон подъедет.

Чем он раздражен, я понимаю, но помочь, увы, не могу...

Но вот среди машин, идущих от Краснопутиловской улицы, мелькает что-то желтое. Приглядываюсь — так и есть — вышка.

Проезжает перекресток и останавливается я. Бригадир вышкарей выходит из кабины и направляется ко мне. Показываю ему пересечку.

Сейчас сделаем,— говорит он и свистит, подзывая машину.

Вышка, такой же ЗИЛ, как и наш, только с выдвижной платформой над деревянным фургоном, разворачивается, выезжает на трамвайные пути и останавливается под пересечкой.

Монтеры, их двое, лезут в кузов и тут же выскакивают по лесенке на платформу. Один раскладывает инструменты, другой ставит решетку ограждения. Наша работа закончена, но, пока трамваи не пойдут, уезжать нельзя. Ребята собираются у машины и, покуривая, с интересом наблюдают, как работают другие.

Ну и служба у них,— замечает Игорь, глядя, как монтеры перебегают по платформе, ныряя под провода.— Не хотел бы я...

Электричество это одно,— тут же вступает Леха,— а ты пойми еще — они же наверху работают, а там и ветер, и дождь, и все-все-все. Мы хоть спрятаться можем, а им куда?!

Ну вот: пока работаешь — своя работа всех тяжелее, стоишь — можно и другим посочувствовать...

Старший монтер стучит ключом, платформа едет вниз. Сейчас пойдут трамваи. Лезу в кабину и вызываю Центральную. Докладываю, что вышка работу закончила.

Очень хорошо,— говорит диспетчер,— поехали домой.

Толкаю дверь и зову ребят в машину. Подходит бригадир вышкарей и просит закурить.

Долго же вы ехали,— выдаю ему вместе с сигаретой.

Долго,— легко соглашается он.— Работы у нас сегодня завал, да и конец не короткий —

считай, из самого Купчина ехали. Дела на пять минут, да пока доберешься. Все машины в разгоне...

Леха, проходя мимо, хлопает его по плечу.

Говорю, работенка у вас — не позавидуешь!

Так ведь и у вас, мужики, тоже не сахар. Я под эти вагоны только после пятого стакана полезу, а уж жмурика тащить...

К черту! — сердито бормочу я и суеверно хватаюсь за торец двери, где в щель между листами обшивки еще проглядывает дерево...

Центральная настигает нас уже у самого дома. Причем сначала я, разомлев в тепле, долго не могу сообразить, откуда в кабине этот писк?

Да возьми же рацию! — сердится Юра.

И прежде, чем я успеваю сообразить, что надо сделать, он хватается трубку, кричит в микрофон: «Подъемка слушает!», бросает трубку мне на колени и тут же сворачивает к тротуару, останавливая машину.

Подъемка?! Поехали, угол Ветеранов и Пилютова... Столкновение трамвая с посторонним транспортом.

Вечно с вами так! — бурчит Юра, выглядывая в зеркало момент для разворота.— Как в вашу бригаду попадешь, так хоть сухим пайком бери! Когда-то обедать будем, бригадир?!

Ты думаешь — я меньше твоего жрать хочу?!

А может, посадим Ваню? Ему здесь пять минут добежать.

Я тебе уже говорил, Юра, нельзя!

Ну и хрен с вами! — с откровенной уже злобой орет Юра.— У самих же брюхо к хребту пристанет! ч

И он жмет на газ так, что тяжелый грузовик прыгает вперед резвым козликом...

За Комсомольской площадью сворачиваем на Кронштадтскую улицу, а затем и на проспект Жукова. Это широкая магистраль, и Юра даже вверх по виадук выжимает сотню. Перекрестки на Казакова и Стачек пролетаем, не притормаживая, но свернув на Ветеранов, Юра сбрасывает газ и включает сирену...

Место происшествия видно издалека. Сбившиеся в кучу трамваи и машины, снующие между ними люди, троллейбусы, вытянувшиеся неровной цепочкой... Юра благоразумно решает не лезть в эту толчею и притуляется рядом с троллейбусом. Я тянусь к рации доложить о прибытии, но он перехватывает у меня трубку.

Иди, работай, я позвоню!

Вываливаюсь из кабины и стучу кулаком по кузову. Дверца открывается, и ребята один за другим выпрыгивают на снег. Леха сразу же торопится к вагонам, Ваня за ним. А Игоря я

перехватываю и сую ему в руку жезл.

Стой здесь и регулируй,— показываю ему машины, которые и с той и с этой стороны, тесня друг друга, пытаются проскользнуть между хвостом загородившего перекресток тройника и приткнувшемуся к нему поездом.— Пропускай по очереди оттуда и отсюда, а то до утра не разберемся!

Оставляю Игоря у проезда, а сам бегу на ту сторону. Через минуту все становится ясно. Грузовик шел в город и не пропустил делавший левый поворот трамвай, этот самый «тройник». Кто из водителей виноват, решит ГАИ, оно, кстати, уже здесь и рисует схему, а наше дело растащить. Удар, слава богу, не лобовой, трамвай шел по дуге, и ГАЗ успел отвернуть, но сцепились они, йа первый взгляд, крепко. Вокруг, как водится, толпа зевак.

Кто пострадал? — спрашиваю «гаишника».

Водитель с ГАЗа. Помяло немного и стеклом резануло. Видишь?

Даже на затоптанном снегу у кабины видны бурые пятна.

А в трамвае?

Пассажиры сидели, а водитель успел выскочить.

Ну, и хорошо. Есть, кажется, инструкция, по которой водитель не имеет права покидать кабину до последнего момента, но как узнать, когда он — последний?

Леха уже выловил в толпе водителя и гонит его за контроллер. Быстро осматриваем место удара. Бампер застрял нехорошо, но если обоих подать одновременно назад, должны разойтись. Ну, лопнет что-нибудь, не без этого. Только кто сядет в ГАЗ?

Я! — выступает вперед мужик в когда-то коричневой кожанке.— Я с ним ехал. Тоже шофер. Только не заведется.

Пробуй!..

Поворачиваюсь к Лехе.

Давай водителя во второй вагон. Пусть тянет оттуда. И Ваню к нему поставь.

Пока Леха занимается трамваем, подхожу к машине. Лобовое стекло высажено полностью, а от бокового остались редкие осколки, торчащие острыми клыками. Мужик уже протиснулся за баранку, и старательно возится там, в кабине, но я не слышу даже стартера.

Ладно,— говорю ему,— не дергайся! Сейчас оттащим.

Юру сюда! — кричу ребятам, и Ваня тотчас бежит за вагон.

Сам иду к Игорю. Надо расчистить проезд. Вижу, как наш

«жучок» трогается с места и, пофыркивая, ползет вперед. Игорь поднимает жезл, я свищу; кажется, все стоят. Но вдруг из-за угла дома на перекресток выворачивает «Татра» и напрямик, по газону, ломая кустарник, нагло прет на нас. Кидаемся ей навстречу, но столько железа — попробуй останови! В последний момент выскакиваем из-под колес, и «Татра»,

презрительно фукнув на нас вонючим выхлопом, прорывается на свободу. А следом за ней, надеясь проскочить под прикрытием, катит какой-то «жигуль». Но вот этому уж дудки! Грудью закрываем брешь, а нервы у частника оказываются слабее. Тут же, не обращая внимания на то, кто сидит в салоне, выкладываем водителю все, что не успели сказать тому, в «Татре». Мужик багровеет и порывается выйти, но, заметив спешащего сюда постового, передумывает и сдает машину назад. Втроем освобождаем проезд от машин и зевак и пропускаем Юру.

Сцепляем машины тросом, разгоняем толпу и готовимся растаскивать. Леха в вагоне, Ваня у машины, я осуществляю общее руководство.

От вагона! — ору во всю глотку. — Давай!

Трамвай дергается назад, а машина ни с места. Юрины колеса проворачиваются, разбрасывая снег: им не за что уцепиться на обледеневшем асфальте. Наконец, ГАЗ сдвигается. Только бы выдержал трос! Еще один рывок, и вагон освободился. Оттаскиваем грузовик за перекресток и оставляем у обочины; трамвай своим ходом отправляем в парк. Записываю все номера, все фамилии, и иду докладывать.

Хорошо! — говорит Центральная. — Поехали домой!

Мужики собрались у машины, присели на бампер и перекуривают. Выхожу к ним. ГАИ, профессионалы и общественники, восстанавливают порядок на проезжей части.

Еще повезло, — говорит Леха. — Ни пантограф не выскочил, ни схода не было.

Схода! Мне становится жарко. Как же это я не проверил?! Бывает, что от удара трамвай слетает с рельс, но коварно остается рядом, и только, когда уже кончив работу, отправляешь его дальше, он вдруг сворачивает на встречную полосу.

Да я сразу посмотрел, — успокаивает меня Леха. — Все нормально. Удар был несильный, да и по касательной.

Он вот посмотрел, а я нет. И все-таки, братцы, хорошо, когда рядом Леха!

Подъезжая к точке, замечаю на площадке знакомый «Москвич». Бригадир вернулся! Я радуюсь от чистого сердца. В кабине ездить, конечно, теплее, но по мне все-таки легче самому крутить домкрат, чем наблюдать за тем, как это делают другие.

Интересно бы, кстати, узнать — он также нервничает на аварии или уже привык за пятнадцать-то лет?.. Топоча ногами, чтобы сбить с обуви снег, вваливаемся в комнату. Коля поднимается нам навстречу.

Все в порядке? — спрашивает меня.

Да вроде. Две работы — пересечка и столкновение.

Что с пересечкой?

Я наскоро рассказываю о первой работе.

Нашел о чем спрашивать! — недовольно бурчит Юра. — Вот на Ветеранов фуру покорежило, еле утащил.

А об этом я знаю. Домой приехал, а вас нет. Позвонил Центральной, узнал, куда вас погнали. Хотел на помощь податься, а она говорит, что пока доберусь, вы уже управитесь. Верит, значит, в нашу бригаду... Быстро сделали?

Как будто. Сейчас время возьму.

Опять звоню Центральной, теперь уже по телефону.

Мы, — называю номер машины, — дома. А время вы нам не дадите?

Конечно, — говорит диспетчер, — записывайте...

На полях газеты записываю две группы цифр по три в каждой. Время вызова, время прибытия и время окончания работы.

Ну, как там? — интересуется Коля.

Прикидываю результат. На первую работу десять минут с ездой, на вторую побольше — четверть часа чистой работы, но все равно, в нормативы уложились.

Будешь записывать, — говорит бригадир, — пометь, что второй вызов получен на линии.

Да мне-то все равно, — слышу я Юрин голос. — Мне за скорость не платят. От меня требуют только, чтобы я машину сохранил да вас не угробил.

То-то ты сегодня виражи закладывал, — тут же подкусывает его Леха, — чуть фургон по дороге не потерял.

Так это же я для вас. Думаю, торопятся ребята, работать хотят. Саня так прямо весь извертелся...

В спальню заглядывает Ваня.

Палыч, давай записывай скорей и пойдем почавкаем. Все готово, я уже и разлил. Остынет же...

Мы вшестером сидим вокруг стола и хлебаем густые, горячие щи. На расстеленной по столешнице газете высится нарезанный крупными ломтями хлеб и разбросаны головки чеснока.

Так кого вы там обсуждали?

Бригадир не торопится отвечать. Выставляя на зависть всем белые, не испорченные даже более чем двадцатилетним курением зубы, он громко обсасывает попавшуюся ему кость. Наконец сгрызает последний кусок мяса и, не глядя, швыряет мосол назад, в мусорное ведро. Да привезли двоих. Одного за пьянку на смене, другого за прогул.

Ну и что?

А ничего. Поговорили, поговорили, сняли пятьдесят процентов премии и вкатили по месяцу БАМа.

■Ч

БАМом называется у нас работа в парковском депо, куда посылают искупать различные провинности. Работа тяжелая, грязная, а главное — ежедневная.

Я бы таких увольнял,— говорит Юра.

Я бы тоже. Да только где других найти?

Что — людей уже нет?

Почему же нет? Приходят и просят, и снова приходят. Но — возьмешь, а как бы потом увольнять не пришлось.

И увольте! И снова возьмете. Таких наберете, что не пьют.

Все, и сам же Юра, дружно хохочут.

Ну, Юрочка, это ты уже загнул. Таких не то, что на цех, а, пожалуй, и на бригаду не наберется. Вон Саня — по нынешним меркам человек вовсе не пьющий, и то иной раз такой придет, что смотреть больно. Бывает, Саня, бывает...

Последний раз это, помнится, было месяц назад, после очередного дня рождения. И ведь помня, что завтра на работу, пить и не собирался, но... только до первой рюмки. А наутро жена еле меня растолкала, и я с трудом добрался до точки, и бригадир, мельком взглянув на меня, всю смену старался глядеть в другую сторону, да и сам я, пока хоть сколько-нибудь не выходился, маялся несказанно. А посему благоразумно помалкиваю.

А ведь случись в тот день мастер,— продолжает рассуждать Коля,— или еще, не дай бог, начальник, и все, сгорел Саня. Тем более, что как человек, действительно непьющий, скрывать свое состояние не умеет. Пойди потом докажи, что он полгода до этого в рот не брал и еще столько же не возьмет. Так что ты, Юрочка, не прав. Кадры самим воспитывать надо. Вот как мы Лешу воспитали! Совсем другой человек стал. Сегодня только маленько не в форме, но это уж, как говорится, после получки сам бог велел...

Леха молча глядит в миску и таскает ко рту ложку за ложкой.

Ну, а на инструктажу что было? — спрашивает Юра.

То же, что и всегда. Начальник выступал — плохо, говорит, товарищи, мы возим ленинградцев. У кого-то там, не помню, в центре города на закрытом полотне вагон сошел, так они двадцать одну минуту работали. Ну, говорит, если мы будем по полчаса одну тележку катать, с нас не только премий, с нас голову надо снимать. Тот кричит из зала, что, мол, там диабаза нарыло, а начальник ему — ты не мне объясняй, ты пойдешь пассалшрам объясни...

Смеется один новенький, остальные даже не улыбаются.

А ведь если так фактически разобраться,— говорит Юра,— вся задержка на нас лежит. А это неправильно и вредно. Кто обычно виноват — парки и путейцы. Ну, еще контактники иногда. Вот пусть они и отвечают.

А они, Юрочка, и отвечают. Там, в управлении, на разборе всем своего хватает. Ну, и нам тоже.

Но Юра упрямится.

И все равно неверно. Мы же аварийка, мы только чужие грехи исправляем. Так за что нас вообще трогать? Я так считаю, что это несправедливо. —

А где ты эту справедливость видел? — тут же вскидывается Леха.— Я лично ее уже полвека ищу и еще даже запаха не учуял.

Да тебе вообще весь нюх бормотухой отшибло! — тут же отшивает его Юра и ожидающе смотрит на бригадира.

Но тот не торопится с ответом. Короткими, тяжелыми пальцами, привыкшими больше к рукояткам кувалды или домкрата, он неловко очищает головку чеснока; впервые замечая, что на указательном левой руки нет последней фаланги. У тех, кто имеет дело с металлом, такое случается часто.

Все правильно, Юра. Мы — аварийщики. Вот поэтому все на нас и смотрят. Может быть, и выручим. Знаешь, как в футболе: пропускает мяч команда, а винят вратаря.

И он снова берется за ложку. Но Юра недоволен и рвется в бой. Он вообще любит поспорить, покричать, кого-то поучить и что-то доказать. Обо всем на свете у него есть свое мнение и зачастую весьма оригинальное.

Что-то ты сегодня квелый,— подкусывает он бригадира.— У тебя от слова до слова выпаться можно.

Да я уже наговорился,— усмехается тот.— И ведь прямо зарок себе давал — не выступать и...

Сегодня вот — терпел, терпел, весь инструктаж терпел, а под конец все ж таки задрался.

Да разве ты утерпишь! — фыркает Юра.— Как ты вообще своего «Москвича» не угробил до сих пор. Тебе же по характеру только «Жигули» подавай. Чтобы с места сто десять! А чего завелся?

Да не один я. Все завелись. О соцсоревновании заговорили, места стали присуждать за прошлый год, и тут такое началось...

А нам присудили? — интересуется Ваня.

Бригадир искренне изумлен.

А зачем тебе, Иван Петрович? На солнышко захотелось. Я же, знаешь, там тоже не за нас волновался. По мне так в тенечке лучше. Не жарко, не холодно. И начальство не дуется, и свои не завидуют. Так что я думаю — в середине нам удобнее. А на первое место охотников найдется.

Это уж точно,— поддакивает Леха.-^ Из кожи вылезут, наизнанку вывернутся, только бы впереди всех. И прут-то прямо как быки. Сам не посторонишься, так и затопчут. С тобой же

пить будет да тебя и продаст. Он чистый, а ты дерьмо.

И правда, Коля,— первый раз на моей памяти соглашается с Лехой Юра.— Если бы они только сами лезли, а то ведь они и на вас гадят. ^

А пусть говорят! — беззаботно откликается Коля.— Мало ли кто и что про меня говорит. Я сам знаю, что свою зарплату получаю не зря. А что там другие думают — мне и дела нет... Да и вообще, уже пятый десяток на свете доживаю, а все не слышал, чтобы кому-то деньги зазря платили.

Как это не слышал?! — мгновенно вскидывается Юра.— А эти там...

Но бригадир тут же обрывает его.

•— Я там не был. А что не знаю, о том не говорю. Но вот что рядом — вижу четко. И знаю — зря никому не платят. Так ли, этак ли, но всякий свои деньги отрабатывает. Другой разговор — стоят ли эти деньги такой работы, но это уже каждый для себя решает...

Ну, ладно,— отодвигает он миску,— спасибо, Иван Петрович, щи отменные. Съел бы еще, да некуда. Теперь, пожалуй, надо пойти поучить материальную часть.

Он тяжело вылезает из-за стола и, закуривая по дороге, уходит в спальню...

Странное дело, думаю я, направляясь по коридору к раковине — сполоснуть миску, вот спросить любого с глазу на глаз: хочет ли он соревноваться, и в лучшем случае тебя спросят, сколько дадут за первое место?... А что на деле получается? Какие страсти?! И из-за чего — даже не пятерки на нос и одной грамоты на всех, а из- за совершеннейшего, казалось бы, пустяка — принародно услышать, что ты лучше других...

Ставлю вымытую миску в шкафчик с посудой, еще раз благодарю Ваню за вкусный обед и тоже иду в спальню.

Подремать пошел, Палыч, подремать? — спрашивает в спину Ваня.— Давай, давай, отдохни. Я спать не буду, так что увижу, ежели кто подъедет.

Если верить инструкции по внутреннему распорядку, спать днем мы права не имеем, а в свободное от вызовов время обязаны наводить порядок на точке, благоустраивать машину и изучать устройство вагона. Но кто знает, что будет ночью. Уже сейчас утренние работы дают себя почувствовать легким ознобом, пока еще трудноразличимым за послеобеденным, сытым теплом. В конце концов у начальства своя голова, а у нас своя. Конечно, если нас застанут врасплох, дело, самое малое, кончится крутым разносом, но, пока шуки не видно, можно и 'подремать.

Осторожно приоткрываю скрипучую дверь, но только просунув голову, вижу, что бригадир еще не спит. Он лежит, закрывшись по горло ватным одеялом и, глядя в потолок, посасывает папиросу, стряхивая пепел в стоящую на груди пепельницу. Тут я тоже вспоминаю, что забыл покурить после обеда. Собственно, тоски по никотину я пока не ощущаю, но не глотнул

дыма после еды, как будто что-то недоделал. Наскоро разворачиваю матрац по обитому красным холодным и жестким дерматином топчану и подхожу к столу.

Что не спишь?

Коля, не отвечая, смещается повыше и толкает ко мне по столу пачку «Беломора». Беру папиросу и присаживаюсь на кресло. Пока прикуриваю, бригадир успевает погасить свой чинарик и тянется к спичке с новой папиросой.

Не много ли? — спрашиваю на всякий случай.

Коля откидывается на подушку и беззаботно машет рукой.

Ерунда. Пить бросил, так хоть покурить вволю. А про рак все врачи выдумали.

Я в этом далеко не уверен, но помалкиваю.

- — Да и не заснуть никак,— продолжает Коля.— Вроде и устал как собака, еле до точки доехал, а лег — и ни хрена.

А у меня,— говорю,— все наоборот — как раз только бы до лежанки добраться. х

Забот нет, Санечка. А я вот только глаза закрою, сразу кирпичи, кирпичи, кирпичи, да еще теплица, да луковица... По- 128 смотришь такое кино минут пять, да и подумаешь — лучше уж тараканы.

Ну, ты и скажешь,— пытаюсь я обидеться,— никаких забот! Тоже верчусь с утра до вечера.

Да какие у вас в городе дела! — пренебрежительно бросает бригадир.

Сам он живет в пригородном поселке.. Там у него дом с участком, на котором заведено большое? и крепкое хозяйство. Сил он вкладывает в него немало, но и кормится тоже неплохо. Предлагали ему квартиру в городе, он отказался, хотя и говорит, что теперь жалеет. Сейчас женил второго сына и хочет отделить старшего. Взял новый участок и строит кирпичный дом чуть ли не по индивидуальному проекту. Вообще он мужик крутой и на земле стоит прочно. Лет пятьдесят назад его если и не расстреляли, то выслали бы уж наверняка, но сейчас я ему временами просто завидую. Но и спускать тоже не намерен. Только вот никак не придумаю с ходу — чем бы заняться городскому мужику в свободное время.

Да уж найдется чем,— бормочу наконец.

Коля с этим ясно не согласен, но спорить не хочет.

Может быть, может быть. Тебе вроде есть, а другим — не знаю.

Если честно — я тоже. Ну куда деться здоровому человеку с руками и ногами, если отопление центральное, плита газовая, а водопровод исправен?! Хорошо, сейчас у каждого второго садовый участок, но это опять же в деревне. А в городе?! Чем заняться мужику, когда он не на службе? Белье стирать?! И это дело, но Коле я говорить о нем не буду...

А у меня сегодня юбилей,— увожу я разговор от неприятной темы.— Три года в ЦЛАРе.

Поздравляю,— чуть помедлив, говорит бригадир.

Зажав беломорину в зубах, он спокойно и внимательно смотрит на меня.

Не жалеешь?

О чем жалеть? — отвечаю я.— Мне здесь нравится. И время есть свободное, и работа живая. Да и вродф бы получается неплохо.

Получается, конечно, получается. Да так и должно быть. Если человек толковый и не ленивый, у него любая работа получится. Я о другом. Как вокруг посмотришь — все из кожи вон лезут, чтобы только в инженеры выбиться. А ты за просто так взял и из инженеров в рабочие ушел. Вот что странно. Не жалеешь?

О чем жалеть? — повторяюсь я.— О столе канцелярском, о бумажках?.. Слулсить я не люблю, а работа она везде работа: что у кульмана, что у домкрата.

Чувствую, что бригадир мне не верит, но соглашается... Докуриваю папиросу и забираюсь на топчан, под одеяло. Уже закрываю глаза и тут спохватываюсь, что не спросил его, о чем думал еще в машине.

Слушай, начальник, а тебе случается пугаться на линии? Или ты уже все работы наизусть выучил?

Сначала Коля долго и с удовольствием смеется.

Конечно, Саня, случается, а как же иначе. Такая уж наша аварийная работа — всю ее никогда не узнаешь. Иной раз такое видишь — просто не знаешь, как и подступиться.

Ну, по твоему виду никогда такого не подумаешь.

- — Так ведь у тебя тоже руки не трясутся... Ну, ладно, давай попробуем поспать. А то впереди у нас, чувствую, дела еще навалом.

Натягиваю одеяло по уши и отворачиваюсь к стене. А за спиной в который уже раз чиркает по коробку и шипит серная головка...

Сплю настолько крепко, что даже не слышу телефонного звонка, а просыпаюсь от резкого толчка.

Вставай, Саня, поехали! Несчастный случай!

Вскакиваю и непослушными руками кое-как наматываю портянки. Бригадир, уже одетый, стоит у двери с ключами.

Давай, давай! — подгоняет он меня.— Человек под вагоном!

Хватаю с вешалки ватник и вылетаю из дома. Юра уже успел отъехать назад и развернуться.

Ребята в фургоне; я стою у дверцы, дожидаясь бригадира. Машина урчит и подрагивает при прога- зовках, словно и ее колотит нервная дрожь. Вот, наконец, и Коля.

Все на месте! — говорю ему и тоже впрыгиваю в кузов...

Во время езды почти не разговариваем. Юра со злым напором

гонит машину, то и дело выскакивая на встречную полосу и взревая сиреной. Прохожие на тротуарах оглядываются на нас в испуге. Привалившись к дверце, сосу сигарету, тщетно пытаюсь заполнить пустоту под ложечкой безвкусным и пресным дымом. Даже Леха, навидавшийся за четверть века всякого, мрачно приткнулся к окну и затих.

Когда я еще только начинал работать в ЦЛАРе, мне первым делом высыпали ворох историй о том, как тащат людей из-под вагона. Старички, подмигивая друг другу, перечисляли фамилии тех, кто уволился после первого же случая. И на первый свой вызов я ехал, изрядно потрухивая. Было неприятно, но я остался. Потом был и второй вызов, и третий... Привыкнуть к этому я так и не смог, но как-то притерпелся...

А что там такое? — наконец осмеливается подать голос Игорь.

Несчастный случай! — сухо бросает ему Леха.

Это я слышал, а что именно?

Кто же его знает? Все может быть — может, просто со ступеньки упал, а может, и под тележку затащило. Приедем — увидим.

В общем-то я покойников не боюсь...— начинает снова Игорь, но тут же я обрываю его.

Да кто их боится, когда они целые?!

А что?! — почти вскрикивает Игорь встревоженно.— Бывает?!

То-то и оно! — заключает Леха разговор цитатой из песни, выбрасывает окурок в форточку и просит у Игоря новую папиросу.

Еще один перекресток. Юра проскакивает его «по красному», даже не притормаживая, и тут же входит в поворот. Мы валимся друг на друга.

Вижу! — кричит Леха.— Стоят! Ну, и народу же! Кажись, точно тащить придется.

С Лехиной стороны за окном мелькают стоящие трамваи. Вагоны, конечно, пусты. Все пассажиры уже впереди, глазают на пострадавшего. Юра резко сбрасывает скорость, я едва успеваю упереться ногой, и, подвывая сиреной, въезжает в толпу. Рывком, не глядя, распахиваю дверцу, втайне надеясь хоть кого-нибудь зацепить, и прыгаю вниз.

Мы на месте! — заканчивает Коля разговор, уже стоя на подножке, бросает трубку Юре и резкими, крупными шагами идет к вагону.

Мы кидаемся следом, расталкивая стоящих к нам спиной зевак.

Разрешите! Разрешите!

Толпа расступается, но неохотно, и мы продираемся вперед, обтирая наши промасленные, в пятнах мазута и прочей подвагонной грязи ватники о меховые шубки, белые дубленки и синтетические «дутьиши». Но вот и вагон! Прямо под ним, наполовину уйдя, словно утонув, под бампер, лежит маленькая старушка. Лежит на боку, очень спокойно, только голова неудобно вывернулась лицом вверх. Еще не успев как следует рассмотреть ее, понимаю, что

она мертва... Коля присаживается на корточки и внимательно осматривает тело: сначала голову, потом, приподняв предохранительную сетку, ноги. Мы стоим рядом, так, чтобы и при деле и, пока не потребуется, не слишком близко.

Леша! — говорит бригадир, поднимаясь.— Давай в кабину, посмотри на ручки контроллера. А ты, Саня, запиши все.

Мне казалось, что я спокоен, но карандаш нервно черкает по листкам блокнота, выводя невообразимые загогулины. Разобравшись с вагоном, бегу разыскивать водителя.

Вон он! — показывают мне.— Свидетелей ищет.

Водитель, высокий худощавый мужчина в расстегнутом пальто и сбитой на затылок меховой шапке, быстро записывает на клочке бумаги то, что диктует ему стоящая рядом женщина. Это хорошо, что мужик. Женщины обычно бывают в таком шоке, что сами вагон вести не могут. А за некоторых и со свидетелями приходится разбираться. Я трогаю водителя за плечо. «Сейчас!» — бросает он мне и снова склоняется к женщине.

Дом... корпус... квартира... спасибо! Ну что?! — это он уже мне.— Видал?!

Видал. Как же ты ее?

Понимаешь, стою на остановке. Всех высадил, всех посадил. Двери закрыл, поехали. И вдруг — даже не удар, а так, шлепок какой-то. Как только я его услышал. Ну, я сразу аварийный. Выскакиваю, и вот — лежит. Она, видишь, вышла и поперлась вдоль вагона, в мертвой зоне, как шпион. Мне ее и не видать! И как это так получилось? У меня же и скорости еще не было.

- — Да много ли ей надо.

Тоже верно. А может, еще и сеткой придавило.

Может, и так.

Но хорошо, что ее хоть поймал. А то проскочила бы под вагон, к тележке, вам бы хлопот не обобратся.

5 • 131

И не говори! — меня даже передергивает.— Ладно, ты свидетелей записал?... Давай тогда свои данные. Фамилия... Имя... Отчество... рабочий номер... стаж работы... И пошли к вагону. ГАИ уже прикатило, и ревизор тебя обыскалась. Да застегнись, простынешь.

Какое там! Я как ее увидел, меня сразу и прошибло, словно после бани! Ну, что же, пойдем, пусть рисуют.

Рядом с вагоном над мертвой старушкой стоят друг против друга бригадир и старшина-гаишник. О чем-то спорят. Коля выше собеседника на голову и, пользуясь этим, грозно нависает над ним, но тот держится спокойно и отчеканивает слова, будто рапортуя.

...и запрещаю трогать до приезда «скорой»!

Да ты понимаешь, что нам движение надо открывать?!

Не только вам. Я тоже за движение отвечаю. Но уносить ее пока нельзя.

Ну, хорошо! — с угрозой цедит сквозь зубы Коля; он совершенно не терпит, когда ему перечат, и я чувствую, что только форма супротивника удерживает его от решительных действий.— Тогда, товарищ старшина, прошу вас сообщить мне вашу фамилию и дивизион... Запиши, Саня. А я сейчас позвоню Центральной и скажу, что инспектор ГАИ запрещает нам приступать к аварийно-спасательным работам!

Как правило, переход на официальную лексику да еще подкрепленный реальной угрозой доложить по инстанции — основательный и зачастую последний довод против зарвавшегося начальства любого калибра. Но этот старшина крепко уверен в своей правоте.

Эк, напугал! — усмехается он.— Звони, звони... И скажи, что действительно запрещаю. Но только не спасательные. Потому, что спасать здесь, мужики, увы, уже некого. А фамилия моя Кириллов. Пиши, пиши, парень,— Кириллов Анатолий Северьянович...

Коля уходит к машине, а мы остаемся у вагона. Старшина искоса поглядывает на меня. Он невысок, неширок в плечах, но ладен и гибок, как хороший клинок. Я давно знаю его в лицо и сегодня уже видел утром на столкновении. Он, кажется, тоже меня запомнил.

Что-то мы часто встречаться стали,— кидает он мне, улыбаясь уголком, словно бритвой, прорезанного рта.— Не к добру это.

Да,— отвечаю по возможности дружелюбнее.

Он подвигается поближе и, сняв перчатку, сует мне руку: «Толя». Я называю себя.

А начальничек у тебя горячий! — говорит он полуодобрительно, полунасмешливо.— Но ты тоже пойми — вам же лучше. Пусть приедет «скорая», установит факт смерти, тогда и отнесем. А то скажут еще — когда лежала, то живая была.

Возвращается Коля. Он уже выговорился и настроен мирно.

Вот,— говорит он старшине.— Позвонил и сказал, что ты не даешь трамваям идти.

Все правильно,— отвечает старшина Кириллов.— Не даю. И остановил их тоже я.

Да нам-то главное, чтобы задержка не на нас была. Я своему диспетчеру сообщил, так что теперь тебе отвечать.

; — Я-то отвечу. И за себя отвечу, и за вас. Мне не привыкать.

Ну, а коли так, давай закурим! — улыбается бригадир и вытаскивает портсигар.

Мы все берем по папиросе, сразу опустошив половину бригадирских запасов, и прикуриваем от его же зажигалки. Старшина идет к своей машине, притулившейся у противоположного поребрика, тоже докладывает кому-то по радиации и возвращается. Его напарник с водителем вагона носят рулетку, вымеряя все возможные расстояния. «Скорой» нет и нет, говорить не хочется; курим и молчим.

Если верить пальцам на правой ноге, уже изрядно приморозило. Да и лужа на полотне схватилась шершавым льдом. А день пока ясный и светлый. На небе ни облачка, солнце? хоть и не греет, но четко и точно высвечивает улицу. Мороз и солнце... и эта старушка, темное, глухое пятно на искрящемся насте. Стараюсь смотреть в сторону, но все невольно кошусь на нее. Ветхое, чиненное-перечиненное пальтишко, голова обмотана платком, круглая, когда-то черная шапочка слетела при ударе и откатилась в сторону. Крови не видно, повреждений тоже, только нижняя челюсть, должно быть вставная, злобно выпятилась вперед... А толпа, между прочим, все разрастается. И что их только сюда тянет?! Мы здесь по службе, а их никто не держит, но они лезут и лезут, пробираются поближе, расспрашивают тех, кто пришел раньше; жадными, горящими глазами, вставая на цыпочки, смотрят через плечи первых рядов. Еще постовой их сдерживает, оттесняет на тротуар, а то и вовсе бы задавили. И ничем их не испугаешь и не проймешь. Даже детей за собой тащат, как в зоопарк...

Но вот из-за поворота доносится сирена, и через минуту, также поблескивая синим «маячком», подъезжает «скорая». Из кабины выходит ярко-рыжая девушка в белом халате и наброшенной на плечи сиреневой шубке — врач; подходит к старушке и, склонив набок голову, окидывает ее небрежным взглядом. Что там смотреть, и так все ясно. Водитель «скорой» уже откидывает заднюю дверцу. Помогаю вытащить носилки, и несем их к вагону. Мы с Игорем беремся за плечи, Ваня поднимает сетку, а Леха и шофер осторожно высвобождают ноги. Кладем старушку на носилки.

Надо же ногами!.. — шепчет Игорь и начинает отступать, пропуская Леху вперед.

Бросьте, мужики! — говорит шофер. — Какая ей сейчас разница! Тащите, как взяли.

Заталкиваем носилки в кузов, и «скорая» уезжает.

Все! — облегченно вздыхает старшина. — Открывайте движение. Поезд в парк, я сейчас туда же приеду.

А сумочка-то! — вскрикивает Ваня и спешит к вагону.

На путях осталась матерчатая сумочка, рядом с которой поблескивают стеклянные осколки. Ваня сгребает все это в охапку, относит на тротуар и возвращается к нам.

В сетке тоже банки, — сообщает он. — Сдавать, наверное, шла. Копеек тридцать — сорок выручила бы. Как раз на хлеб.

Вот и дошла! — сурово говорит Леха.

Первый трамвай, осторожно тронувшись с места, сворачивает за угол, и народ оживленно и радостно разбегается по вагонам и своим делам. Мы тоже идем к машине. Поставив ногу на подножку, еще раз оглядываюсь на улицу. Люди, словно это и не они только что глазели на убитого трамваем человека, бесстрашно шныряют по мостовой, шмыгают между машинами

и вагонами... ГРАЖДАНЕ! БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ ПРИ ПЕРЕХОДЕ УЛИЦЫ! СОБЛЮДАЙТЕ ПРАВИЛА ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ! ПОЖАЛУЙСТА!

Вернувшись на точку долго пьем чай и рассказываем страшные истории. Основной слушатель, конечно, Игорь. Остальные знают эти байки наизусть, и даже я слушаю их уже по десятому, наверное, кругу, и давно не вижу в них ни ужасного, ни смешного.

...и вот собирают они его по всему мосту,— повествует Леха, оседлав стул и лихо закусив папиросу,— кто голову несет, кто ногу, кто еще что-нибудь. Сложили все на носилки и вдруг видят — три руки получается. Они — искать! А ночь, темно, с фонариками, и один хрен — ничего не видно. Полчаса бегали — все впустую. А надо же движение открывать. Вагон, естественно, в парк. Там поставили его на канаву, до утра он простоял, а там слесаря пошли его осматривать. Идут, переноской освещивают. Вдруг прямо перед ними что-то сверху — грох! Смотрят — труп!.. Ну, они как чесанули оттуда, все побросали: и лампочки, и инструмент...

Я думаю,— говорит Ваня,— тут не то, что из канавы, тут не заметишь, как из парка убежишь. К ближайшему магазину! — подхватывает Леха.

Л Я смеюсь за компанию. Когда-то эта история к месту и умело рассказанная, оставила меня без ужина, но теперь она не способна хотя бы приглушить разыгравшийся на морозе аппетит. А вот у нас тоже было дело...— торопится преподнести свою историю Юра.

Я спокойно отрезаю толстый ломоть булки и аккуратно покрываю маслом, состругивая его со смерзшегося в холодильнике бруска. Конечно, если самому попадется такой вызов, будет не сладко, но, к счастью, плохое забывается быстро, и уже следующей смене можно будет слепить что-нибудь забавное.

Послушайте, мужики,— несмело начинает Игорь,— я, конечно, человек новый, может быть, чего-то не понимаю, но вот как-то странно это — тут человек погиб, а мы так... зубы скалим?!

Мы переглядываемся. ' — А! — отчаянно крикает Юра.— Всех жалеть — жалейки не хватит! Да и ему, жмурику, что — ему уже все равно: где он лежит и чего у него не хватает. А ты тут собирай его по всему полотну, любуйся на него... Уф!

Да нет, Федорыч,— вступает Ваня,— иногда очень даже жалко. Помнишь ту девочку на Стачек?.. Даже не ее, что там два пальца на руке, это считай, еще повезло, а родителей ее. Как они - потом бежали вдоль вагонов, мать, и отец навстречу ей... А?!

И он в жарко натопленной комнате ежится, будто ему за шиворот заползла февральская поземка.

Ты понимаешь, Игорь,— пытаюсь как-то высказаться и я,— у нас нет другого выхода, как только притерпеться. Ты аварийщик, и твое дело не жалеть его, а спасать. Это, знаешь ли, и

называется: общественное разделение труда.

Да я, мужики, не хочу вас обижать,— мямлит Игорь,— но как-то с непривычки...

Да Саня правильно сказал! — кипятится Леха.— Нам жалеть их некогда. Можно сказать — по инструкции не положено. Да и где их там жалеть?! Ведь кто залетает — хроники, в основном, ханыги. Глаза залет и лезет с вагоном бодаться!

Пьяных никто не любит. Даже Леха, когда он, ну, не трезвый, поскольку таковым я его никогда не видел, а еще в собранном состоянии, любого расползающегося мужика, случайно забредшего к нам в поисках стакана, выталкивает за дверь с непонятым остервенением. Возможно, впрочем, что это тщательно замаскированная зависть.

Но вот кто меня удивляет,— говорит Ваня,— это народ. Ведь человека задавили такого же, как ты, тебя бы вот также могли... Ну, взглянул, видишь, что незнакомый, пожалей про себя, да и пройди дальше... Нет, лезут, высматривают, будто это им цирк какой. Не понимаю я их!

Да какой это народ?! — с яростной злобой орет Юра.— Разве же это люди?! Ты посмотри только, как они по улице бегут! Это же стадо! Бараны! Где им мертвого жалеть, они и живого растопчут!..

Последнее слово, как всегда, за бригадиром.

Насчет баранов ты, Федорыч, не прав,— веско роняет он.— Ни одного рогатого я еще из-под вагона не тащил. Это только люди туда залетают... Но вообще-то читал в какой-то газете, что в Южной Америке, если пешехода собьют не на переходе, то полиция вовсе в это дело не ввязывается. Думаю, что, пожалуй, так оно и правильно... Ну, ладно, отдыхайте. Я тоже пойду прилягу. Может, и усну.

Он уходит в спальню, плотно притворяет за собой дверь, но вдруг снова открывает ее и зовет меня.

Леха бутылку взял. Ты ему разрешил? — спрашивает Коля без околичностей, едва я успеваю войти и сесть.

Вопрос полуриторический, и я дипломатично молчу.

Видишь, какой ты добрый. А я, значит, злой?.. А если он сгорит, кто отвечать будет? И что с ним самим станется? Мне вон ревизор и так на ухо шепчет — что это от Алексея разит?

Так от него всегда несет! — пытаюсь я защищаться.

Но бригадиру опыта не занимать и в таких делах тоже.

Что, я старого запаха от нового не отличу?! у

Крыть больше нечем, и я покорно подставляю шею.

Ну, ладно, с бутылки ему ничего не сделается, надо только присмотреть, чтобы больше не добавлял. И скажи ему, так, по- дружески, чтобы от начальства подальше держался.

Да он и так ученый.

Угу,— хмуро бурчит бригадир, натягивая на голову одеяло,— за пятьдесят-то лет хоть этому выучился...

Когда я выхожу из спальни, Леха, догадавшись, о чем говорилось за закрытой дверью, подмигивает мне и, торопясь уйти от неприятного разговора, сам выскакивает с контрпредложением:

Что, Саня,— к барьеру?

Я так давно уже готов,— говорит Юра.

Вообще-то под мышкой у меня зажата книга, но — не расстраивать же компанию, и я со вздохом подчиняюсь неизбежному. Леха притаскивает из шкафчика замусоленную колоду и общую тетрадь, отыскал в ней свободное место и старательно разлиновывает, пока Юра, с трудом разделяя слипшиеся листки, раскидывает карты по столу, застланному моим вафельным полотенцем. Ваня в кухонном закутке разделяет мясо к ужину, а Игорь подтаскивает стул к столу и садится рядом со мной.

Что за игра?

Тысяча. Знаешь? ^.

Играл когда-то... Сейчас присмотрюсь, как вы играете, а потом уже и сам сяду.

«Тысяча»—игра из семейства коммерческих, что-то вроде упрощенного преферанса. Серьезные люди ею пренебрегают, но нам она подходит. Как раз то, что нужно, чтобы скоротать время между вызовами.

Проходим несколько сдач. Карта не идет. А Юра играет и довольно успешно. Один раз залетает, но в следующий кон не только выправляется, но и уходит вперед. Леха боится его упустить, пробует торговаться; Юра неожиданно легко уступает прикуп и тут же сажает Леху, объявляя свои козыри. Тот сникает. Опять раскидываем карты, и снова на руках невесть что. Пасую сразу. Леха тоже. Юра недоволен, но по правилам обязан играть. Переворачивает прикуп — там три туза...

Мы все еще глядим на эти карты, когда дверь распахивается и на пороге, приглаживая всклокоченные волосы, вырастает бригадир.

Ну, чего орете?! — вопрошает он весьма недружелюбно.

Ах, мы тебя разбудили! — говорит Юра, как будто даже смутясь.— Тогда извини. Но ведь ты же сам, бригадир, понимаешь — нельзя же днем спать. Нельзя. А вдруг да кто-нибудь приедет...

Он весь прямо сочится радостью. Хватает со стола своих тузов и, даже не разбирая по мастям, втыкает их в самую середину развернутого веера. Похоже, что их у него теперь четыре. Бригадир садится на топчан и неторопливо начинает натягивать сапоги.

Нет, Юрий Федорыч,— говорит он с каким-то нарочитым безразличием,— вы не меня, вы

Центральную разбудили.

Всовывает ступню в голенище и, вскочив, нетерпеливо пристукивает каблуком об пол.

Поехали! — гремит он. — Быстро! Сход вагона!

«Тридцать шестой», парник, сворачивал с Обводного, слетел

с рельс и, согнувшись буквой «Л», загородил перекресток. Стоят все трамваи: и те, что идут по Обводному, и те, что подошли по Лифляндской. Пробка изрядная и шуму много.

Осматриваем поезд. Сначала снаружи. Вторую тележку первого вагона выкинуло влево метра на два; она потянула за собой и второй вагон. Но первая и последняя тележки поезда остались на месте, да и полотно здесь закрытое. Только вот вторую сошедшую тележку слишком уж развернуло... почти перпендикулярно оси вагона, не пришлось бы поднимать.

Здорово, орлы! — кричит, подбегая к нам, ревизор; он без пальто, в одном форменном кителе, но, кажется, ему далеко не холодно. — Быстро же вы доехали!

—• Стараемся! — скромно отвечает бригадир. — А вот ты, Боря, вечно нам какую-нибудь гадость устроишь!

Да разве ж это сход? Два угольника подбросить и все на месте! Вот только посмотрите, мужики, у нее, кажется, редуктор развалился...

Леха уже в вагоне и, стоя на коленях, смотрит вниз, в открытый люк.

Так и есть! — мрачно говорит он, когда мы с Колей опускаемся рядом. — Обрыв горловины!

В прямоугольный проем хорошо виден лежащий на снегу массивный черный корпус; из разъединившихся фланцев выглядывают лоснящиеся от смазки зубья шестерен.

Может, все-таки протащим как-нибудь? — бормочет бригадир.

Что ты, Коля, балка не даст!

А если забандурить? — предлагаю я.

Леха как будто не слышит, да я и не настаиваю.

• — М-да! — Коля еще раз оглядывает редуктор и поднимается; теперь и он решился. — Домкраты!

Выскакиваю из вагона. Юра уже успел развернуться и теперь стоит на тротуаре, у желтого забора какой-то фабрики, прямо против нас. Задняя дверь открыта, и Ваня выглядывает из кузова.

Домкраты давай! — кричу на бегу.

Ванина голова исчезает. Подскочив к машине, вижу, как он, пыхтя и ухая, вытаскивает домкрат из гнезда.

Помоги ему! — говорю Игорю.

Тот тоже забирается в кузов и, спотыкаясь о раскатившиеся по полу ломы, помогает Ване подтащить домкрат к двери. Прибежавший сюда Леха пытается оттеснить меня плечом, но я

не уступаю.

Второй возьмишь!

Да здесь одного хватит. Поднимем с одной стороны и вытащим!

Тогда колобашки тащи!

Тщательно укладываю домкрат на плечо и, часто перебирая ногами, несу его к вагону. Не бегу, но стараюсь. Восемьдесят килограммов железа больно сминают мне ключицу и позвоночник. Распихиваю станией, как тараном, столпившийся народ и добираюсь до места. Подбежавший следом Игорь помогает мне опустить домкрат и подтащить его лапой под вагон. Теперь можно и оглядеться. Леха с Ваней притащили колобашки и тоже стоят рядом. Ждем команды.

Где водитель?! — слышу Колин голос.

Из толпы выходит здоровенный, даже не квадратный, а кубический парень. Он в одном тонком свитере и без шапки; пышная, точно из проволоки свитая шевелюра защищает его голову лучше любого кролика.

Да я ее к себе отнес.

Что с ней?

Вроде как сердце прихватило. Испугалась, наверное. Посидит, оклемается.

Ладно, без нее обойдемся. Оттяни-ка пантограф! — приказывает Коля парню и поворачивается к Лехе.— Как у тебя, Алексей Борисович, все готово?!

Да, вроде все.

Гайка? Цепь?

— Все проверил и все поставил. Давай поднимать.

Давай!.. От вагона! — орет Коля и машет мне рукой.

Хватаю ручку домкрата и начинаю крутить быстро, как только могу. Пока выбираются лифты, вроде бы идет легко, но, как только зависает тележка, рукоятка проворачивается уже с трудом. Зову на помощь Игоря. Ваня рядом выкладывает под кузовом столбик из колобашек — страховку. Не дай бог, сломаются стопорящие собачки или вырвет домкрат. Когда ломаются собачки, лапа под тяжестью вагона идет вниз и рукоятка вращается, как пропеллер,— не подступиться. А вырвавшийся домкрат может без лишних усилий перебить ноги всем стоящим рядом, как это однажды едва и не случилось со мной...

Крутить становится все тяжелее, и вот рукоятка перестает поддаваться вовсе.

Все! — кричу я Коле.

Они с Лехой, стоя на коленях у задней площадки, заглядывают под вагон.

Мало! — говорит бригадир.— Поднимайте еще!

Надо «перебираться». Опускаем домкрат, вагон пока поддерживает страховка, и кладем на

лапу колобашку. Это даст нам добавочных миллиметров триста; должно хватить. Крутим снова. Чувствую, что под мышками и на пояснице уже влажно... Вокруг теснятся зрители, щедро одаривая нас различными запахами, замечаниями и советами.

Мужики,— говорит кто-то с отеческой заботой в голосе,— вы бы хоть головы туда не совали! И Леха тут же посылает его на все буквы русского алфавита. Зевака, а может быть какое-то начальство, оскорблен и обижен. Он же хотел как лучше! Но что там сказано про услужливого дурака?...

Хорош! — кричит Коля и ныряет под вагон.

Леха за ним. С минуту из-под вагона торчат только две пары сапог, судорожно елозящих носками по мостовой, ища зацепки понадежней. Потом одна втягивается вовсе, а вторая — это Леха, ползет на волю.

Ну, что там?

Ножовка в машине? — спрашивает он сам и бежит к тротуару.

Я зову Ваню к домкрату, а сам лезу под вагон. Чтобы про-тиенуться в эту щель, снимаю ватник, и все равно подножка обдирает мне спину. Подтягиваясь на локтях и упираясь сапогами, толчками продвигаюсь вперед. Под животом мазут, головой тыкаюсь в днище, обтирая шапкой измазанные до черноты доски. Дорожный просвет у вагонов донельзя маленький. Сейчас мы еще хоть подняли кузов, а иной раз бывает, что туда стгоряча влезешь, а как выбраться — непонятно... Бригадир уже заполз за горловину так, что мне опять видна только его нижняя часть.

Реактивный болт мешает,— объясняет он мне.— Сейчас Леша его перепилит и будем тащить. Наверху бухают шаги. Это вернулся Леха.

Эй, вы там еще живы?! — окликает нас Леха, ни на секунду, впрочем, не переставая шаркать ножовкой.

Да нам-то что? — говорит Коля.— Мы здесь пока перекуриваем. Ты-то как?

Осталось тьфу — начать да кончить! Так что потерпите немного.

Что делать — потерпим. Все равно быстрее его никто не справится. Уже больше года мы работаем вместе, и я не помню случая, чтобы Леха что-то не мог открутить, перепилить, разрезать, поставить на место. Вещи, даже совершенно незнакомые, слушаются его и, пожалуй что, любят; во всяком случае больше, чем люди.

Кто-то толкает меня в плечо. Скосив глаза, вижу, как справа выползает круглая, толстощекая физиономия.

Здорово! — говорю я.

Здорово! — отвечает Мишка, продолжая рассматривать горловину.

Это прибыла помощь. На сколько-нибудь серьезные случаи Центральная отправляет по две-

три маши́кы. Иногда они только мешают друг другу, порой помогают, а бывают аварии, когда одной бригаде и не справиться.

Ну, Алексей Борисович, как там у тебя? — спрашивает бригадир; в первый раз с начала работы в голосе у него проявляется нетерпение.— Время-то идет. А ты сам знаешь — наше время — наши деньги. И если одно в плюс, то другое в минус.

Счас! Счас! — коротко отвечает Леха в такт движениям руки, чтобы не делать лишнего; чувствуется, что он уже выдыхается.—...Готово!

Горловина начинает шататься, это бригадир толкает ее сзади. Мы с Мишей хватаемся за что попало и, отползая, тащим ее за собой. Выкарабкиваемся из-под вагона и, вскочив на ноги, волочим груз по снегу к ближайшей двери. Ухнув разом, взваливаем ее на первую ступеньку, а дальше никак. Юра, видимо, заметив, как мы корячимся, выскакивает из кабины, и втроем мы перекатываем горловину в вагон...

Ваня с Игорем уже оттащили домкрат к машине и выкидывают из кузова угольники. Хватаю один, больше мне за раз не утащить, и бегу на ту сторону поезда. Сзади поспевает Игорь. Слышу, как щелкают наверху провода и сразу начинает тарахтеть компрессор. Это подняли токоприемники. Там, дальше, Мишка со своей бригадой, подогнав следующий трамвай, сцепляет его тросом с нашим «тридцать шестым». У сошедшей тележки плюхаюсь на колени и жду команды.

Саня! — кричит мне бригадир.— Будем подавать назад\

Опять лезу под вагон и, распластавшись на животе, подсовываю угольник под реборду. Метровый отрезок гнутой под прямым углом стальной полосы толщиной этак с палец цепляется за рытвины, бьет по рукам и никак не хочет стать куда положено.

Ну, скоро вы?! — свирепо ревет бригадир.— Что там?!

Разворачиваю угольник к рельсам и выкатываюсь из-под кузова.

Готово! Давай!

От вагона! — подает обычную команду-предостережение Коля.— Поехали назад!

Вагон вздрагивает и ползет назад. Накатившись на угольник, колесо сворачивает в сторону, и тележка разворачивается параллельно полотну.

Стоп! — командует Коля, и колесо замирает почти у самого рельса.

Хватаю у Игоря второй угольник и снова лезу под вагон... Когда снова распрямляюсь, рядом с собой вижу Колю. Он уже запыхался, но старается говорить спокойно.

Неправильно поставил. Будем подавать вперед!

Я бы лично продолжал тащить назад. Но с бригадиром на линии спорить не принято, а с

нашим лучше и не пытаться. Перетаскиваю угольник под первую полуось и рапортую о готовности. Колесо катится к угольнику и вспрыгивает на клин. Еще пол-оборота, и оно соскальзывает с плоскости, а реборда со стуком падает в желоб.

Поехали! Поехали! — надсаживается Коля.— Встанет сама!

Еще несколько метров, и вторая ось тележки тоже встает в колею... Теперь следующий вагон. Беру у Игоря угольник, он уже принес первый, и бегу к тележке. Поднимаю фальшборт и кричу на ту сторону: «Куда подаем?!» Там кто-то копошится, но не отвечает. Чтобы опять не попасть впросак, жду команды, стоя на коленях и с угольником в руках. И все-таки чересчур уж развернулась тележка; наверняка придется поднимать. Но это решать не мне. Улавливаю обрывок разговора: «Назад попробуем... только назад...» Это говорится не мне, но, чтобы не терять времени попусту, тут же начинаю пихать угольник под колеса. Здесь оно особенно далеко отошло от борта, я раскладываюсь во всю длину и, вытянув руки, почти на ощупь ворочаю угольник. И не успеваю еще приткнуть его к реборде, как вдруг колесо трогается с места! Мгновенно отдергиваю руки, а что дальше?! Упереться не во что! Как в дурном сне, чувствую наползающий на меня вагон и, словно червь, елозя на брюхе, пытаюсь выбраться из западни. Кто-то (Игорь! больше некому) хватает меня за щиколотки и выволакивает на волю... Зрители на тротуаре от души радуются бесплатному представлению... Не торопясь отряхиваю колени и иду к бригадиру. Они с Лехой, стоя на четвереньках, заглядывают под вагон, видимо, осматривают клеммную коробку. Трогаю Колю за плечо и, не дожидаясь, когда он поднимется, коротко выкладываю, что я о нем сейчас думаю... «Бугор» одним толчком взлетает на ноги и ревет так, что его, вероятно, слышно у Стрельны:

Кто сказал трогать вагон?!

Все молчат. Пятеро из нашей бригады, трое из Мишкиной, ревизор, еще какое-то начальство местного значения... Все стоят цепочкой вдоль состава, опутив головы и ожидают разноса. И вряд ли можно найти виноватого. Кто-то сказал, другой подхватил, третий не понял и махнул рукой, бригадир смотрел в другую сторону, а водитель дернулся на пару метров. Но вот если бы меня помяло, то виновный сыскался бы скоро, и наверняка им бы оказался водитель, который всего лишь выполнял чей-то приказ, или же бригадир, который одного приказа не отдавал, но должен был предусмотреть...

Петрович! — продолжает орать Коля.— Быстро сюда!

Идет к водителю, берет из кабины ломик и сует его Ване в руки.

Стой рядом с водителем и ни на шаг в сторону! И если хоть кто-нибудь водителю слово скажет, тут же его этим ломиком по башке! Понял?! Я отвечаю! А ты что под вагоном делал?! — это он уже поворачивается ко мне.— Я тебе говорил туда лезть?!

Михалыч! — зовет бригадира Леха.— Надо поднимать! За коробку заскочила, нам теперь ее

угольниками не развернуть.

Бригадир сумрачно смотрит на тележку. Поднимать, хотя и необходимо порой, но и тяжело, и долго. Обычно он старается работать угольниками, подкладывая их в самых различных сочетаниях, заставляя вагоны прыгать резвыми козликами. Рискованная работа, но ему удается. Сегодня же мой случай его самого выбил из колеи, он уже не так уверен в себе и после нескольких секунд раздумья соглашается с Лехой.

Все сюда! Расцепляем!

Пока мы расцепляем вагоны — штыри оказываются погнуты, их выбивают кувалдой, на что тоже уходит время,— Мишка со своей командой подгоняют собственную машину. Она несколько отличается от нашей. В задней части кузова на самодвигающейся каретке смонтирован гидравлический подъемник. Не нужно надрываться, таскать и крутить домкраты, двигать вагон по металлическим листам — машина все сделает сама...

Поднимаем вагон, точнее его переднюю площадку, и он, послушно следуя каретке подъемника, ползет в сторону. Миша стоит у рычагов управления, остальные, кто на коленях, кто на корточках, следят за тележкой.

Стой! — кричит Коля, и вагон зависает над рельсами.

Зацепляем крюками за колесо и тянем к себе. Мужики на другой стороне, оперевшись кто Ломами, а кто и просто сапогом, толкают тележку на нас, и она медленно разворачивается.

Майна!

Вагон идет вниз и аккуратно становится на рельсы. Обернувшись на машину, вижу, что Юра, и не ожидая команды, уже тянется к рации, доложить Центральной, что движение открыто. Отгоняем гидроподъемник, сцепляем вагоны и отправляем поезд в парк.

Сами начинаем протирать и грузить инструмент. На аварии я с угольником в руках несея бегом, а теперь, чтобы поднять его на уровень груди, приходится напрячься. А домкрат мне и вовсе не сдвинуть с места. Беремся вдвоем с Лехой, да еще и Игорь подхватывает снизу... Забрасываем в кузов мелочь, и собираемся вместе обеими бригадами перекурить и обменяться новостями. Все лица мокрые и грязные, а у Лехи так даже вдоль лба отпечаталась черная жирная полоса. Двигаться не хочется, но заставляю себя сходить за ватником; пока разгорячился, мороза не чувствуешь, а потом будет поздно. Мишка жалуется, что их сегодня загоняли,— только что тоже были на сходе, где-то в Купчине, поехали домой, а их с полдороге завернули сюда.

...а там пути открытые, на машине и вовсе не подъехать. Считай, метров сто домкраты на себе тащили. Сошла всего одна тележка, а возились минут пятьдесят, не меньше. И тоже двумя машинами.

Ну, здесь нормально отработали! — говорит Юра.— Я время засек — сорок минут с небольшим. А тут и редуктор, и сход двух тележек. Считай, что уложились.

Но все же две бригады работали,— говорит Коля.— На это тоже время скинут.

Ладно,— говорит Миша,— сколько ни дадут — все наше.

Он наскоро докуривает папиросу, бросает пустую гильзу в снег и лезет в кабину. Кажется, у них водила тоже некурящий.

Хорошо с вами, братцы, а ведь дома лучше. Поедем-ка мы побыстрее, авось и проскочим. Нам ведь много не надо, только бы чаю попить.

Мы прощаемся и расходимся по машинам. Когда разворачиваемся, вижу, как приехавшие путейцы стальной рейкой замеряют ширину полотна. Ясно, что причина схода не в этом, но порядок есть порядок. Особенно, когда он не нужен...

Вечер. За окнами темно и холодно. Сквозь заиндевшее стекло едва угадываются радиаторы машин, стынувших на площадке перед домом. Юра недовольно посматривает на градусник и злобно бурчит под нос. Температура за день спустилась от нуля до минус десяти и продолжает падать. Значит, ему придется ночью вставать каждые два часа и прогревать двигатель. Да и вообще ленинградская погода доставляет нам немало хлопот. Все, что успело оттаять за последние сутки, теперь крепко-накрепко схватилось в лед. На одно столкновение мы уже съездили. «Жигули» при торможении занесло, раскрутило и выбросило на рельсы. К счастью, обошлось без пострадавших, но ремонт встанет хозяину тысячи в две с половиной, да и с вагоном кузовщикам придется повозиться. А еще только начало восьмого, и у нас все впереди. Но пока мы сидим у телевизора и прихлебываем из кружек черный и горячий, словно расплавленный, чай. На экране вконец затюканный и отощавший волк, надсадно перхая, уныло преследует ехидного зайца. Мы боеем за волка. Нам надоел благополучный косой, энергичный, и ловкий, как гибрид Бельм о ндо с Депардье. А нам сегодня в который раз не везет, и вызовы валятся один за другим, как очередные колотушки на волка...

« И вновь начинает трезвонить телефон.

Мы все замираем, еще надеясь — вдруг пронесет, но трещит сигнал от диспетчера, и Коля берет трубку.

Подъемка слушает!.. Да... Понял, еду!..

Неторопливыми шагами он возвращается в комнату, расправляя в руках ушанку.

Да не торопись ты, Иван Петрович! — останавливает он заматавшегося по комнате Ваню.— Спешить некуда. На кольце стоит. Но ехать надо.

Из домашнего тепла влезать в машину особенно неприятно. Все наше железо за день пропиталось холодом, заиндевело и зловеще поблескивает в глубине фургона, а дерматиновая обивка сиденья прожигает даже ватные брюки. Снимаю двойные рукавицы и

аккуратно подкладываю их под себя, а голые кисти втягиваю как можно дальше в рукава и прячу их в карманы. Советую Игорю сделать тоже самое. Главное — продержаться первые минут десять; потом надышим, накурим, да и просто привыкнем.

Неужели ничего нельзя придумать?! — сердится Игорь.— Ну, я человек новый, но вы-то все уже сколько лет работаете. Пошли бы, потребовали...

А ты думаешь — не ходили?! — подает голос Ваня; он сидит в дальнем от меня углу и в машине так темно, что я вижу только неподвижную массу, чуть чернее стенки.— И ходили, и просили, и требовали, и даже сами чего только не придумывали.

И что же?!

Да как видишь — ничего. Это только пока я работаю, считай — три начальника цеха сменились. А ответ у всех один —• не положено. Зато как зима — так весь цех поясницы кроличьими шкурками обматывает... Да им-то что — они если и ездят, то в кабинах...

И мы долго и дружно ругаем начальство, как будто от этого станет хоть на полградуса теплее. А с другой стороны, мужики,— пытаюсь я хоть отчасти быть справедливым,— ведь нас сюда силком никто не тянул. Сами шли, да еще и просились. Знали же, что работать будем не под крыЩей, так что...

Да в общем-то грех жаловаться,— тут же поддакивает Ваня.— Всякое, конечно, бывает, но одни сутки можно и потерпеть. Зато потом — трое, и все твои. А при другом режиме кто бы сюда пошел, на такую работу и за эти деньги?

Халтуришь? — спрашивает Игорь.

А как же. Иначе тут враз сопьешься. Времячко свободное имеется, выйдешь пройтись, одного приятеля встретишь, другого... Так, устроился грузчиком на продбазу. Деньги тоже небольшие, да и работа тяжелая — иной раз, считай, по двадцать тонн за смену на спине перетаскаешь, но и сотня лишняя, и при деле. А ты как?

Да я же только устроился. Еще не огляделся. А раньше мне и не нужно было. Иной раз,— и в голосе его слышится тихая гордость,— бывало, что по полштуки приносил!

Ваня почтительно присвистывает.

Это конечно!.. Это неплохо!.. А чего же ушел?

Игорь отвечает не сразу. Слышу, как шелестит целлофановая упаковка сигарет, потом вспыхивает спичка, неверным, тусклым огоньком не освещая нас, а ослепляя. Да я и не люблю ездить при свете. Когда не видишь, как мерзнут другие, как-то и самому легче.

Да если честно,— говорит Игорь,— то устал. Ведь за эти пять кусков как только не повыламываешься. Я же на сборке работал, по пятому разряду. А что такое сборка да еще в выпускном цехе—сам можешь представить... До пятнадцатого числа за прошлый месяц доделываешь, потом за текущий наверстываешь, и так без конца... Считай, каждый день по

полторы смены да без выходных... Ты говоришь — от свободного времени боишься спиться! А тут вечером ввалишься, руки-ноги дрожат, только бы стакан принять да к телевизору. И ничего больше не надо, ни жены, ни... Ничего!.. Пацанов своих—и то только через стенку слышу. Вертелся, вертелся, а тут как-то с Колей поговорил, он мне и присоветовал сюда податься. Сейчас с месяцок дам себе отдыха, а потом начну присматриваться... Да, собственно, чего там смотреть! Кочегарка у меня через дорояу. Тоже сутки. Уголек штывать, конечно, несладко, но зато от дома недалеко. Все же за шпаной своей пригляжу, пока моя на работе.

Ну, сколько было у тебя, все равно не выйдет,— твердо заявляет Ваня.

Тоже сказал! — хохочет Игорь.— Сколько было! Да ровно вдвое меньше выйдет!.. Ну и что?! Всех денег не заработаешь, а жизнь — она одна!

А я уж грешным делом подумал,— говорит Ваня,— что ты от алиментов сюда убежал.

Игорь настораживается.

Объясни, не понял!

Да чего тут объяснять,— говорю я,— вон, как Леха. Когда он развелся, с него по исполнительному листу потянули двадцать пять процентов. А он водителем работал, по листку выходило прилично, отдавать стало жалко. Ну, он и свинтил сюда. Получал меньше, и отдавал меньше. А в свободное время халтурил по паспорту, где не высчитывают.

Ну, это давно было,— говорит Ваня.— Молодой он был, горячий, глупый. Обиделся, ну и... Но он потом и сверх листа подбрасывал и так помогал... А сейчас, ты думаешь, таких нет? Да сколько угодно.

Нет, я таких не уважаю! — резко бросает Игорь.— Это уже не мужики, а... Что там у тебя с женой ни случилось, а сын есть сын.

Да у него дочки.

А они не люди?

Да как тебе сказать...— запинается Ваня,— ведь что получается — парня-то для себя растишь, а дочку для другого. Хотя сейчас и тот, и эта — чуть подросли, носом фырк, хвостом круть и... фьют! Как не было!

Так ведь и вся наша жизнь такая: вкалываешь, ломаешься, уродуешься, горбатишься, а для кого?! Для себя? Хрен вот вам! Для жены, для детей, а то и вообще для какого-то дяди, которого и ты никогда не увидишь, и он тебя ни за что не узнает! Как подумаешь, так просто страшно становится. Живешь — колотишься...— и Игорь выпаливает известную и не очень приличную поговорку, в которой говорится о том, что мы всю жизнь старательно бежим наперегонки с соседом, соревнуясь за право первым добежать до могилы.

А город давно сбился с дневного ритма, расслабился и расплылся. Народу на улице, несмотря

на заметно уже пощипывающий морозец, еще много, но это уже не прежнее, по-деловому направленное движение, а свободная, безалаберная сутолока, где оказывается естественной даже из ничего возникшая и тут же рассосавшаяся пробка на мосту. Бесконечно уходящий в обе стороны проспект залит колким и холодным светом фонарей, витрин и реклам. И от этого мертвенно-бледного свечения, от протянувшихся двумя шеренгами обындивевших деревьев, воздух кажется еще морозней. Днем я люблю рассматривать этот город, но вечерний меня настораживает. Дневной мне сродни и понятен, мне легко ужиться с ним, а вечером он вдруг начинает пыжиться, делает вид, что и знать не знает меня, как вот эти параднозастывшие дома словно и не подозревают о глухих, засыпанных снегом и мусором двориках, ютящихся за их оштукатуренными фасадами.

А на кольце тихо, голо и пусто. Только у самого домика диспетчера чернеет единственный вагон; должно быть, тот, который нам нужен. Или, точнее, которому нужны мы. В кабине никого нет, а в салоне, свернувшись на сиденье калачиком, спит какой-то мужик. Отправляем Ваню искать водителя, а сами идем вокруг вагона. Неисправный башмак оказывается на второй тележке слева. После недолгого совещания решаем рвать. Вообще-то это не поощряется, парки требуют, чтобы Мы неисправные башмаки как-то и чем-то подвязывали, а они их потом у себя приведут в порядок. Но бывает, что и не приводят. Так снятый однажды с линии вагон и бегаёт ещё с неделю по улицам, ^скрученный, как бинтом, проволокой, пока не оторвется второй конец... Да здесь уж ничем и не помочь. Лопнула одна из двух пружин подвески, и башмак — стальной параллелепипед почти метровой длины — развернуло под порядочным углом к рельсу. Ещё хорошо, что вагон дотащился до кольца, а не устроил задержки на линии. Прибегает водитель. Она, как мы и думали, грелась в диспетчерской. Усаживаем её в кабину и готовимся к работе.

Игорь с Лехой ломами приподнимают башмак, а я просовываю в образовавшуюся щель трос. Трос толстый, короткий и жесткий; от долгого употребления он разлохматился, и колет ладонь сквозь рукавицы. Пока мы возимся с башмаком, Ваня помогает Юре подогнать задом машину и разворачивает буксирный трос. Соединяем оба троса, пропустив сквозь петли ломик, и разбегаемся. Бригадир командует. Юра медленно натягивает трос, а затем бросает машину вперед. Башмак упирается в борт, тонкая, стальная стенка выгибается пузырем, скрежещет трос, летят искры, а башмак ни с места.

— Отставить! — кричит Коля.— Сдай назад].. Право руля!.. Ещё правее... Тащи!..

Юра повторяет маневр, но на этот раз башмак выскакивает из- под вагона. На секунду два с половиной центнера железа повисают в воздухе, оставшаяся пружина растягивается в почти прямую нитку и, наконец, лопаётся. Башмак грохается вниз и, взбивая снег, скользит к машине...

Освобождаем трос, просовываем под лапы башмака ломы и, взявшись по двое за каждый, несем его к вагону. Идущий первым Игорь заскакивает на ступеньку, а я пробую шагнуть вверх и чувствую, что уже не могу. Сила вдруг уходит из меня, как вода из губки, и я беспомощно топчусь на месте, одна нога на ступеньке, но другая еще на земле и никак мне ее не оторвать.

Ну, что вы там — заснули?! — кричит сзади Леха.

Им с бригадиром тоже сейчас несладко. С каким-то утробным даже не криком, а стоном вздергиваю башмак вверх и шагаю сам. Как только мы поднимаем свой конец над полом, Коля с Лехой налегают, и чертова железяка не вползает, а влетает в вагон. Я даже не успеваю отдернуть руку, и лом припечатывает мне палец к стенке. Температура в рукавице сразу поднимается градусов на сто, но я не тороплюсь ее снимать. Успею еще наглядеться. Да, похоже, что мне вернули долг. Две смены назад я в спешке защебил палец бригадиру между буферами, да так, что пришлось его везти в травматологический пункт. Теперь мы квиты. Ребята убирают инструмент, а мы с Колей идем в диспетчерскую. На ходу тайком оглядываю палец. Ничего страшного, только содрана кожа на второй фаланге, но сильно кровит. У дверей нас встречает парень в форменном кителе.

Ну, слава богу! А я уж думал, что мне здесь с этим вагоном до утра сидеть!

Пока я вожусь с телефоном, докладываю дежурному инженеру и Центральной, диспетчер складывает бумаги.

...и едем домой! — заканчиваю разговор и кладу трубку.

И я поехал,— говорит диспетчер.— Мужики, добросьте меня до Газа, а то пока вас ждал, последний вагон упустил. С этой мне не по пути, так что теперь только пешком.

Он гасит свет, и мы выходим на улицу. Юра уже подъехал, мужики собрались у кабины и чешут языки. А вагон еще не ушел. Водитель, средних лет невысокая женщина, перевязанная поверх старенького серого пальто шерстяным платком, стоит на передней площадке и как будто чего-то ждет.

Ну, что ты?! — кричит ей Коля.— Давай, жми в парк! Твое же время идет!

Ребята,— просит она робко,— высадите, пожалуйста, пьяного. Второй круг с ним, паразитом, делаю.

Этого еще только не хватало!

А чем он тебе мешает? — спрашивает Леха.— Спит себе человек и пускай спит. Проспится — выйдет.

Да он уже проснулся. Высадите его, а?! Ну, куда я его повезу?! Поздно, темно, народу никого. Кто же знает, что ему в дурную башку взбредет?

Кажется, она и в самом деле боится. Но и нам не очень хочется брать на себя чужую работу.

• — Да что мы тебе,— орет из машины Юра,— милиция?!

Д«Беешь его до первого постового. Или хмелеуборочную остановишь!

• — А если не попадется? — резонно возражает водитель.— Что мне его — в парк везти? Да в конце концов — мужики вы или не мужики?! Шесть лбов одного пьяного бояться!

Коля срывается с места и крупными шагами идет к вагону. Я поспешаю за ним.

Спавший на сиденье мужик у^ке действительно проснулся и сидрт. Видок у него и в самом деле страшноватый. Хотя, если он протрезвеет и выпится, умоется даТгричешется, то окажется, что лет ему двадцать пять, не больше. А сейчас его знобит с похмелья, он зябко ежится и, горбясь, бессмысленно раскачивается взад- вперед. Пушистая рыжая шапка валяется рядом с сиденьем, в грязной жиже, обычно скапливающейся на полу вагона.

Все! — говорит Коля.— Выходи, приехали!

Парень пытается взглянуть на него, но не может поднять ни головы, ни век.

Это чего?! — хрипло тянет он.— Это где?! Мне не сюда надо... Я на Московский...

Коля брезгливо смотрит на него сверху вниз.

Вагон на Московский не пойдет. Выходи!

Зачем?! — упрямо продолжает гугнить парень.— Мне не здесь... Не выйду!

Коля молча смотрит на него, но я понимаю, что он уже сдерживается из последних сил. А у меня, как назло, палец саднит все сильнее и сильнее, и я тоже ощущаю, как откуда-то из желудка во мне начинает подниматься темная злоба.

Все! — говорит Коля, оскалась.— Картина Репина «Приплыли»... А ну!

Он хватает пьяного за плечо и легко, одной рукой сдергивает с сиденья. Они одного роста, но Коля тяжелее килограммов на двадцать.

Х-гад! — визжит парень.

Он размахивается свободной рукой, но я перехватываю удар, и вдвоем мы подтаскиваем его к двери. Парень упирается, но, увидев перед собой еще четырех мужиков, обмякает и покорно спускается по ступенькам. Внизу мы отпускаем его, он отбегает на несколько шагов и опять начинает куражиться.

Что?! Шестеро на одного, да?! А ты думаешь здоровый, да?! А может, отойдем один на один?!

Но Коля поворачивается к нему спиной.

Уезжай! — говорит он водителю.— Закрывай двери и в путь!

А шапка-то! — кричит она, усаживаясь в кабине.— Шапку- то заберите!

Ваня спешит к вагону, а парень, совсем осмелев, спотыкаясь и вихляя при каждом шаге, двигается в нашу сторону. Я встаю у него на пути.

Давай-ка ты, друг, отсюда! — стараюсь говорить насколько меня хватает, спокойно, но

внимательно следя за ним, особенно за ногами.— Здесь тебе уже ничего не светит!

Парень останавливается, и тут подбегает Ваня с шапкой. Пьяный тупо глядит на недавно еще чистый мех и вдруг выбивает шапку из рук Вани и замахивается. И опять я успеваю опередить его, но на этот раз коротким прямым тычком бью в лицо. Ватник связывает меня, но пьяному хватает и этого. Он отшатывается, "скользит и падает. Мы обступаем его тесным кольцом... Коля хватает его за грудь и трясет, как Ванин фокстерьер крысу.

Ты что же это, падло?! А?

—, Мужики! — кричит водитель из вагона.— Вы что, мужики, озверели?!

Вся моя злость ушла в удар. Беру Колю за руки и с трудом, но отдираю его от парня. Бригадир шумно переводит дыхание и резким окриком гонит нас в машину. Пока ребята залезают в кузов, смотрю на пьяного. Он все еще сидит, разбросав вытянутые ноги, и по очереди, поднося кисти близко к глазам, разглядывает руки, то одну, то другую. Видимо, ободрался, падая. Снегу навалило еще немного, а под ним либо лед, либо схваченная морозом земля, твердая и жесткая, как наждак...

Зря мы его...— говорит Ваня.

Я не вижу его в темноте, но понимаю, что обращается он ко мне. Приходится отвечать.

Было бы лучше, если бы он тебя?!

Да не ударил бы он. Просто ему шапку жалко стало. Дорогая ведь шапка. Рублей триста, наверное.

Тут людей за треху убивают,— замечает ему, посмеиваясь, Игорь.— А за эту шапку он бы тебя всего по винтику разобрал!

Жалеешь его?! — с неожиданной злобой вскрикивает Леха.— Жалей, жалей! А ты вот так попадешься, тебя никто не пожалеет. Как меня однажды!

Он долго ворочается, и мы молча ждем его рассказа, но Леха вдруг, резко переменив тон, грустно произносит:

А вообще-то верно, братцы, все мы озверели!

Приехав домой, мы еще долго не ложимся. Кипятим воду, завариваем и пьем чай. Почти не говорим. Настроение у всех, не только у меня, подавленное. Сидим каждый в своем углу, греем руки о кружки и прячем глаза. Только Юра, хотя уж он-то и не вылезал из кабины, хорохорится и вышагивает по комнате.

Не мельтеши! — говорю ему.— Сядь!

Да брось ты! — орет Юра.— Надулись, ровно мышь на крупу! Чего случилось-то?! Ну дали одному (следует очень сочное, но, к сожалению, совершенно не терпимое бумагой определение), так и что из того? Мужики вы или не мужики?

Мы молчим. Только слышно, как Коля выстукивает ложечкой по кружке; кружка еще полна, и

звуки оттого выходят глухими и тут же гаснут.

Не в этом дело, Юрочка! — наконец собирается он ответить.— Помяли мы его, думаю, несильно, да и за дело. И впятером на одного большой храбрости не надо. Я-то как раз о другом... Вот так посмотришь — все мы люди как люди. А как нацепил на себя погоны там или хотя бы вот сигналку, так черт его знает откуда только что полезло!..

Но Юра не сдаётся или не понимает,

Ерунда это все! А я бы вот, дали бы мне власть, сам бы с такими расправлялся» Ну, какая от него... такого... польза?! На- рылся, как свинья, придет домой, если по пути не заметут, и что с него взять?! Ни бабе радости, ни детям. Нет, дали бы мне автомат...

Тебе только дай! — угрюмо ворчит Леха, не без основания принявший это и на свой счет.— Тебе только дай, ты бы всех нас тут перестрелял!

Точно! И уж тебя бы, Леха, первого! Ты вот даже ужин испортил! Наелся я твоих котлет, так теперь прямо хоть с горшка не слезай!

По Юре трудно понять, серьезно он говорит или нет. Но если это и шутка, то крайне неудачная. Леха человек талантливый ко всякой ручной работе, в том числе и кулинарной. Но, хотя способности свои он использует редко и за малую цену (за что его и шпыняет Юра), к признанию относится крайне ревниво. Не дожидаясь, пока перепалка перерастет в свару, выхожу покурить на улицу...

Когда возвращаюсь, в обеих комнатах уже темно и тихо. Только добрый Ваня, сидя на моем одеяле, полушепотом уговаривает нас всех не есть мяса и жить дружно. Сгоняю его с топчана и падаю на матрас. Ваня желает нам всем спокойной ночи и уходит, плотно прикрыв за собой дверь. В спальне сразу становится душно, тяжело пахнет портянками, мокрой обувью, людьми и многим другим. И ко всему еще Юра начинает похрапывать. С минуту размышляю — чем же в него кинуть? Сапог снимать долго, подушкой — жалко... Вдруг храп обрывается, и Юра начинает говорить тихо, но совершенно внятно.

Ты вот, Леха, сердисься, что мне то не нравится, это не нравится. А не понимаешь, что у меня желудок не варит. Я его еще в сорок шестом испортил, когда в деревне жил. Жрать-то было нечего, так мать нас все пирожками спасала. И с чем я только этих пирожков не ел. И с землей, и с корой, и с травой...

Он замолкает, а потом задумчиво, словно бы не веря самому себе, тихо роняет в темноту:

Ох, мужики, и до чего же жить хочется, когда с голодухи помираешь...

С тем мы и засыпаем.

Ночью нас больше не трогают, но утром начинают осаждать водители. Первая приходит в полшестого и долго, и настырно колотится в дверь, пока ей не открывают.

На ходу пытаюсь попасть в рукав ватника, иду следом за Лехой по узкому и извилистому

коридору. Спросонок меня пошатывает, и я то и дело налетаю плечом на стену. Водитель ждет нас у вагона.

Вставочку бы мне запилить, мужики!

Без единого слова Леха оттягивает пантограф, откидывает лестницу и лезет на крышу. Я собираюсь идти за напильником, но 08 останавливает меня, и сам тут же скатывается вниз.

Так ты когда из парка выехала? — осведомляется он у води-

Да вот только что, Леша,— отвечает она простодушно, введенная в заблуждение Лениной вежливостью.— Две остановки всего и прошла!

Вот и иди обратно!

Как это?

А вот так. Учить вас будем. Водитель обязан перед выездом из парка проверить...— и Леха обстоятельно перечисляет все, что должен сделать и никогда не делает водитель.— А также проверить сменную вставку пантографа. Почему не проверила?

Так темно же, Лешенька, не видно. И начальство торопит. А выехала — чувствую, провод раскачивается.

Все верно: начальство торопило, ты поспешила, выпуск сделали, отчитались. Теперь вы хорошие, а аварийка расхлебывай? Оттягивай пантограф и в парк вторым вагоном!

Возвращаемся в комнату. По пути накуриваю, но утренняя затяжка натошак только когтями дерет и грудь, и горло. Швыряю недокуренную сигарету в ведро, на ощупь прохожу в спальню и падаю на топчан. Но только поворачиваюсь на правый бок, как кто-то трогает меня за плечо. Это Ваня.

Палыч, вставай. Там тебя Леша зовет. На вагон. А я здесь пока приберусь.

Приходится вставать. В большой комнате уже горит свет, репродуктор рассказывает что-то о сельском хозяйстве, а на кухне в сковородке скворчат оставшиеся от ужина рожки.

Все пути, а их трое, забиты вагонами. Их фары освещают кольцо, и двигаться на свету, если не теплей, то веселей. Леху я нахожу в кабине случайно забредшего сюда «сорок первого». Развалившись в кресле, он гоняет взад-вперед рукоятку контроллера.

А я так и не ложился! — сообщает он мне.— То одно, то другое... Три поезда в парк загнал!

А здесь что?

Не идет первый вагон. Сходи посмотри контакторы под задней площадкой. А я здесь подергаю...

Через несколько минут, отряхиваясь на ходу от снега, возвращаюсь к Лехе.

И этот тоже в парк. Не испра!вен ЛК-4.

В парк, так в парк. Все Роману меньше работы. Хорошо еще, что они парники, сами уходят. А то совсем бы кольцо забили. Все слышал? — поворачивается он к водителю.— Поднимай

токоприемник на втором вагоне и в парк.

Времени уже начало восьмого. Убираю в шкафчик постель, и сажусь завтракать. Встает Юра и молча выходит на улицу. Коля в спальне заполняет журнал. Пожалуй, пора и за уборку...

А снег все еще идет. И так выпало его за ночь немало, а он все валит и валит. Машина просвечивает сквозь серую, вязкую пелену теплым желтым пятном. Если приглядеться, видно, что фургон мелко-мелко дрожит; это Юра прогревает двигатель.

Разбираем лопаты. Леха успел ухватить большой скребок, нам с Игорем остается по узкой, деревянной. Снег пушистый, легкий, и все равно через несколько минут работы по очереди бегаем в дом снимать ватники.

15»

Бог в помощь! — слышу за спиной. Семен, сухой и крепкий мужик с кожей, изрезанной морщинами, как дубовая кора, жмет нам по очереди руки. Мы передыхаем.

А ты чего так рано? — спрашивает Леха.— Из дому выгнали?

Точно! Баба обиделась, говорит — все равно от тебя толку никакого, иди хоть снег разгреби... Да я вчера здесь недалеко у свояка был, так и заночевал. Так ведь и не рано уже. Полвосьмого, без пяти. Сейчас и все подойдут.

Он уходит переодеваться, а мы снова беремся за работу. Осталось совсем немного. Уперев черенок в живот, бегу, толкая лопату перед собой. За мной в снегу остается узкая, с осыпающимися краями борозда! Две такие борозды рядом, и Леха подчищает остатки. По целине ему со своим скребком не пробиться. Когда в очередной раз возвращаюсь к дому, вдруг вижу выскочившего из дверей Ваню. Он уже в ватнике и сигналке.

Поехали!

Составляем лопаты к стене и спешим за ватниками. Коля, тоже одетый, у стола торопливо допивает свой обязательный кофе.

Сколько времени? — спрашивает Леха.

Да время уже наше, без четверти. Но видишь — нет никого.

В дверях спальни появляется Роман, бригадир новой смены.

Одни брюки он уже снял, другие еще не надел и сияет голубыми кальсонами*

Коля, да подожди ты! Давай я поеду!

Ну уж нет! — свирепо бросает ему Коля.— Со своими я и сам съезжу. А ты вот со своей бригадой разберись!

Вот я им, чертям, задам! — кричит Роман.

Как же, послушались они тебя! — подкалывает его Юра.

А тебя тоже сменили? — спрашиваю я.

Да, видишь, взял с вас себе моду без пяти приходиться!

Бригадир хлопает его по плечу.

Не переживай, Юрий Федорович! Как вместе начали, так и закончим! Иван Петрович, ты оставайся, дочисти снег.

Ладно уж, поезжайте. Я уберу,— говорит Семен.

Он уже успел переодеться и стоит рядом с нами, смущенн* покуривая из кулака.

Ну, тогда все вместе и поедем!

А куда ехать-то? — спрашивает Юра.

Стоит движение у Дудергофского моста. А, кстати, где такой, кто знает?

Ох, ничего себе! — оглушительно хохочет Юра.— Ну, ты даешь, бригадир! Десять лет по району катаешься, и оказывается, что ничего не знаешь!

Но бригадира так просто не собьешь.

А зачем мне, Юрочка,— произносит он вкрадчиво, подмигивая мне исподтишка,— географию знать, когда у меня такой Извозчик?

Литературная цитата сражает Юру, и он молча лезет в кабину.

И часто вы так перерабатываете? — спрашивает Игорь, уже \$ЯДЯ в кузове.

Да бывает,— отвечает ему Леха.— Сегодня просто вызов неудачно попал. На самый пересменок. Пять минут позже — они бы поехали. Мы тоже попадаем. Вон на прошлой неделе пришли без четверти, а они только что на сход уехали. Вернулись около девяти. Ну, конечно, пошумели, покричали. А сегодня вот нам досталось...

По дороге общими усилиями вспоминаем, где же находится загадочный Дудергофский мост. Оказывается, что это небольшая, однопролетная арка, перекинутая через узкий ручеек, впадающий в залив в районе парка Ленина. Не центрального, а нашего, приморского... Пролетаем по Жукова, сворачиваем на Петергофское шоссе и дальше до улицы Партизана Германа. Там пересекаем полотно, сворачиваем направо и, переваливая через ухабы, едем вдоль рельсов. Трамваев с той стороны давно нет, и только люди идут навстречу, сливаясь в темноте в единую, текучую массу, в которой вязнет наша спешащая на аварию машина. Наконец, впереди я вижу два круглых, светлых пятна — фары больного вагона. Прямо против него Юра останавливается, мы вываливаемся из кузова и, проваливаясь по колено, пробиваемся вверх по насыпи к неисправному поезду.

Пойдет! — пыхтит сзади Леха.— Такого быть не может, чтобы парник не пошел!

Конечно, кому хочется гнать вагоны в такой мороз, в темень, выставив физиономию навстречу колючему ветру да еще в самый пересменок. Однако бывает, что и тройник не идет. ч Коля с Лехой лезут в кабину, мы втроем остаемся снаружи, ожидая команды... А задержка большая. Насколько я вижу, в сторону Стрельны тянутся застрявшие трамваи. И пассажирам, переполнившим их салоны, должно быть сейчас несладко. И место для

задержки — хуже не придумаешь. Слева — засаженная деревьями узкая полоска недавно намытой земли; справа — пустырь, и за ним только где-то в полукилометре с трудом различимы параллелепипеды первых домов. Часть пассажиров, особенно из последних в очереди вагонов, реально прикинув время, идут пешком по изрытой колдобинами, наспех разровненной к зиме дороге, надеясь проскочить километр до перекрестка. Но те, что едут в первых трамваях, высыпали на насыпь и окружили нас многослойным полукольцом.

Приехали! Наконец-то!.. Да это форменное безобразие! Каждый день одно и то же! Когда же все это закончится?!

Мы молчим. Мы понимаем, что граждане не выпалились и продрогли, впрочем так же, как и мы. Но они еще только едут на службу, а мы уже работаем и у них на глазах.

Сволочи! — взлетает вдруг из толпы пронзительный, черт его даже знает какого рода, просто визгливый голос.— Морду бы им набить за это!

Игорь подается было на крик, но я придерживаю его за руку. С толпой не спорят.

Что же это они на нас? — шепчет он, придвигаясь ко мне.— Мы-то здесь при чем? Мы же аварийка!

Да что они понимают!

Вдруг вагон трогается с места и тут лее в кабине видна вспышка пламени, и слышен резкий, как выстрел, щелчок. Ничего страшного не случилось, просто сработал автоматический выключатель, но вокруг становится немного тише.

Все! — кричит Коля.— Сцепляем!

Бегу к следующему поезду. Хотя часть пассажиров из него уже вышла, он набит битком, и мне удастся подняться лишь на первую ступеньку.

Граждане! — говорю я.— Освободите, пожалуйста, вагон. Он будет буксировать неисправный.

Но граждане чувствуют себя в своем праве и упорствуют.

Безобразие! Отвратительно работают! Просто издевательство! А вот никуда не выйдем!

Жалобу будем на вас писать! — объявляет мне вдруг стоящая на первой площадке женщина.— Вот сейчас прямо все соберемся и напишем!

Она стоит спиной ко мне и выше, так, что мне не видно ее лица. Я не знаю, стара она или молода, красива или нет. Вижу только белую в черных пятнах пышную шубу, загородившую мне проход в салон.

Пишите! — говорю я и неожиданно для себя срываюсь на крик.— Пишите! Прямо вот здесь в вагоне, в снегу! Пишите! Только кому писать? На кого жаловаться?! На самих себя?! Пишите!

Да ты, парень, сдурел! — говорят мне из салона.— Мы что ли эти вагоны делаем?

А кто же? — надсаживаюсь я, срывая глотку.— Кто их делает?! Все эти чертовы реле, двигатели, шестерни? Кто?! Это же ваша работа! Нате вот, пользуйтесь, любуйтесь!

И не дожидаясь, пока спустятся последние, пробираюсь в салон подготовить буфер, сцепку, штыри...

Загоняем состав в парк и возвращаемся к машине. Леха просит закурить. Отдаю ему последнюю сигарету и выбрасываю пустую пачку. До точки мне хватит, а там по дороге заскочу в магазин. Снег уже больше не падает, скоро совсем рассветет, да и в общем не так уж и холодно. Первым делом, конечно, поеду к Вадиму и в баню; отогреемся в парилке, а затем уже можно и в город, в библиотеку...

Эй, шевели ногами! — подгоняет нас, высунувшись из кабины, Коля.— Свое же время идет! Подходим к машине, даю Коле прикурить. Видно, под конец смены Юра разрешил ему дымить в кабине, да и то при открытой двери.

Ну, и здоров же ты митинговать! — говорит бригадир, откидываясь на спинку сиденья.

А ты что — слышал?

Еще бы не слышать. Ты так орал, что не только я, весь Союз слышал.

Весь Союз не услышит,— серьезно возражает привалившийся рядом к стенке фургона Леха.— У нас каждый свое долдонит да так голосит, что даже сам себя не разбирает. Куда уж там другого.

Юра пригнулся к баранке и, глядя на меня, ухмыляется во все тридцать два зуба.

Нет, ты мне вот что скажи — как они тебя только не растоптали-?!

Да кто такие они!\ — взрывается вдруг Игорь.— Нет их, понимаешь, Федорыч, нет! Есть только мы\

Да и за что им его топтать? — недоумевает Ваня.— Палыч им все объяснил...

...и они все поняли! — ехидно заканчивает за него Коля.— А некоторым даже стыдно стало...

Но сказал ты все равно правильно. Только ж вот чего не понял — ты вчера, я слышал, тоже хорошо объяснял, чгто мы служащие, что мы служим другим, народу, стало быть, и вот этим пассажирам тоже. Так что же ты, когда тебя хозяин за плохую службу стал пробирать, вдруг обиделся да на дыбки?!

Сразу я не нахожу, что ответить, а пока собираюсь с мыслямй и подбираю слова, вдруг рядом настырно и требовательно начинает пищать зуммер рации... Какое-то время бригадир еще смотрит на меня, и я вижу, как у него беззвучно шевелятся губы. Потом он резко, я едва успеваю отшатнуться, выплевывает папиросу и хватает трубку.

Подъемка слушает!..